

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

DK
43
.T86

9194

ОЧЕРКИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ.

I

НѢМЕЦЪ И ІЕЗУИТЪ

ВЪ РОССІИ.

К. В. ТРУБНИКОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1882.

127

ОЧЕРКИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Трубикинъ, Константинъ Васильевичъ

I

НѢМЕЦЪ И ІЕЗУИТЪ ВЪ РОССІИ.

И. В. ТРУБНИКОВЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. В. Комарова Гороховая улица., д. № 48.

1882.

DK
43
.T86

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
I. Рѣчь автора	1
II. Пролазы и интриганы	1
III. Нѣмецъ идетъ	16
IV. Нѣмецъ пришелъ	29
V. Отвѣтъ Остзейскому Барону	45
VI. Іезуиты въ Россіи	60

ОТЪ АВТОРА.

Настоящее изданіе имѣетъ цѣлью въ рядѣ очерковъ, изъ которыхъ этотъ первый, приступить къ усиленію, на сколько это возможно, органовъ печати; изыскивающихъ способы къ популяризаціи теоретическихъ и практическихъ выводовъ и данныхъ, доказывающихъ, что полнота общественной, глубина и достоинство личной жизни, возможны только при проникновеніи общества идеализмомъ.

Въ теченіи 25 лѣтъ, издавая разныя газеты и журналы *), мы убѣдились, что демократизація мысли, посредствомъ періодическихъ изданій, имѣетъ свои невыгодныя стороны. Газеты не могутъ замѣнить книжной литературы, въ которой писатели готовятся, болѣе или менѣе, глубокими изслѣдованіями и долгимъ размышленіемъ. Книга или брошюра обращается къ разуму, а не къ страстямъ читателей; они образуютъ ихъ мнѣнія посредствомъ умственной работы, а не привычки постоянно слышать повторенія одного и того же. Правда, повсюду подъ вліяніемъ революціоннаго движенія, самыя лучшія книги и брошюры не въ состояніи были соперничать съ самыми плохими газетами, потому что, когда страсти возбуждены, тогда всё бросаются на чтеніе текущихъ новостей, а книги или брошюры читаются въ томъ только случаѣ если они обладаютъ особеннымъ обиліемъ новыхъ свѣдѣній и извѣстною

*) «Журналъ для акціонеровъ» (1857—1860), «Виржевыя Вѣдомости» (1861—1875), «Вечерняя Газета» (1865—1875), «Записки для чтенія» (1866—1868), «Новое Время» (1875—1876), «Финансовое Обзорѣніе» (1876—1877) и «Телеграфъ» (1878—1880).

суммой идей, между тѣмъ, какъ на газету подписываются, не зная, что она будетъ содержать въ себѣ.

Въ настоящее время обстоятельства измѣнились: узнаны не только причины кризиса, но извѣстны и средства къ его устраненію. Оздоровленіе общественнаго организма совершается хотя и медленно, но твердою поступью и съ полною надеждою на успѣхъ.

Общественное мнѣніе, воспитанное подъ исключительнымъ вліяніемъ газетъ, стоитъ обыкновенно на низкой степени, заимствуя отъ нихъ свойственныя такой лихорадочной дѣятельности шаткость, раздражительность, односторонность, неосновательность.

Пускаясь въ новую дорогу, мы думаемъ, что наша попытка найдеть и подражателей, потому что серьезное обсужденіе вопросовъ, которые вносятъ свѣтъ и истину во всѣ мыслящіе умы, происходитъ въ книгахъ.

Настоящій томъ содержитъ въ себѣ отдѣльныя статьи, изслѣдованія и характеристики, связанныя, однако, между собою единствомъ предмета. Этой системы мы, по возможности, будемъ придерживаться и въ слѣдующихъ нашихъ подобныхъ изданіяхъ.

Примѣчаніе. Хотя нѣкоторыя отрывки изъ этой книги и были помѣщены въ газетахъ 1880 и 1882 гг., но они являются въ настоящемъ изданіи исправленными и значительно дополненными.

ПРОЛАЗЫ И ИНТРИГАНЫ.

Генераль Скобелевъ, въ настоящую минуту, является самымъ виднымъ, моднымъ челоуѣкомъ въ Европѣ. Три рѣчи, произнесенныя имъ въ Петербургѣ, Парижѣ и Варшавѣ, въ частной бесѣдѣ, произвели за границей небывалую сенсацію.

Что же, въ самомъ дѣлѣ, новаго повѣдалъ европейской публикѣ нашъ доблестный генераль, чтобы рѣчь его, со всѣми возможными комментаріями, облетѣла весь міръ? Смысль его петербургской рѣчи ясенъ былъ какъ день: нашъ боевой генераль погрозилъ однимъ только мизинцемъ вожакамъ пангерманизма, которые постоянно грозятъ цѣлымъ кулакомъ.

„Врагъ русскихъ и славянъ—нѣмецъ“, говорилъ въ Парижѣ генераль Скобелевъ; но вѣдь нѣмецъ—врагъ не однихъ русскихъ и славянъ, это общій врагъ; онъ постоянно жаждетъ крови и куеетъ булагъ. Въ Россіи, говоритъ генераль Скобелевъ, нѣмецъ—„пролазъ“ и „интриганъ“! Изъ чего же намъ поднимать бурю за границей, когда врагъ у насъ дома, и борьба съ нимъ можетъ быть только внутренняя, домашняя. Все это слишкомъ старо, чтобы быть новымъ.

„Борьба съ нимъ (т. е. съ нѣмцемъ), продолжаетъ генераль,—неизбѣжна, даже близка, если австрійцы попробуютъ тронуть государства, признанныя европейскими договорами,—хотя бы

Сербію и Черногорію...“ Слѣдовательно, внѣшняя борьба пока можетъ быть не съ прусскими нѣмцами, а съ австрійскими, да и то въ томъ только случаѣ, если послѣдніе нарушатъ договоры. Но договоры австрійцы не нарушали и, вѣроятно, не нарушатъ. Здѣсь также нѣтъ ничего новаго. Старо и то, что, по словамъ генерала Скобелева, „у насъ хозяйничаетъ нѣмецъ: мы—игрушки его политики, жертвы его интригъ, рабы его силы“. Это лучше всего извѣстно самимъ нѣмцамъ. Нѣтъ у насъ уголка, гдѣ не сидѣлъ бы нѣмецъ. Онъ — дипломатъ, чиновникъ, военачальникъ, публицистъ, помѣщикъ, профессоръ, воспитатель, банкиръ, купецъ, ремесленникъ, медикъ, аптекарь, булочникъ, портной, сапожникъ. словомъ, нѣмцы у насъ сидятъ, какъ тараканы, повсюду—и въ самыхъ старыхъ, и самыхъ новыхъ зданіяхъ. А русскій человекъ, хотя бы съ основательнымъ образованіемъ, съ талантомъ, опытомъ, остается сплошь и рядомъ не у дѣль, а иногда и безъ куса хлѣба и безъ крова! Отбитый нѣмцами отъ всякаго полезнаго труда, онъ лишается заработка и бросается во всѣ нелегкія, дѣлаясь или празднующимся, или анархистомъ...

Новаго въ рѣчи генерала Скобелева есть только одно; онъ говоритъ: „Мы отъ него (т. е. отъ нѣмца) избавимся не иначе какъ съ мечомъ въ рукахъ; борьба съ нѣмцемъ неизбежна и близка“. Здѣсь уже ясно одно,—что кулаку нужно противопоставить кулакъ. Но вѣдь это одна лишь попытка угрозою заглушить угрозу. До борьбы еще не такъ близко, какъ могъ бы желать такой бой вой генераль какъ Скобелевъ.

Борьба, впрочемъ, уже началась, но пока только на перьяхъ. Нѣмецъ, повидимому, дрогнулъ. Мы же здѣсь пока—

„Шумимъ, братецъ, шумимъ“.

И странно было придавать особенное значеніе этому шуму за границей и у насъ. Это не болѣе какъ указаніе на выводы исторіи о нашихъ отношеніяхъ къ Германіи. Можетъ быть, эта рѣчь поведетъ на практикѣ и къ совершенно противоположнымъ резу-

татамъ. Мало ли страницъ исторіи остались безслѣдны для практической политики!

Безусловно вѣрно сказалъ генераль Скобелевъ и то, что у насъ во всемъ „чужеземецъ хозяйничаетъ“. Въ дѣлѣ напр. обсужденія религиозныхъ вопросовъ наши публицисты прониклись идеями изъ брошюръ Бюхнера, да двухъ или трехъ книжекъ Молешотта и Фохта, да изъ „Жизни Христа“—Ренана. Западный раціонализмъ просочился въ православную школу и остылъ въ ней, въ видѣ научной оправы къ догматамъ вѣры, въ формѣ доказательствъ, толкованій и выводовъ.

Рука нѣмца проглядываетъ у насъ повсюду, а въ особенности, въ области политики вообще и финансовъ въ частности. На биржахъ, въ банкахъ, въ управленіяхъ акціонерными обществами желѣзными дорогами, большими фабриками и заводами, нѣмецъ забралъ всю силу. Тамъ онъ директоръ, управляющій, кассиръ, бухгалтеръ, корреспондентъ, мастеровой и даже рабочій. Нечего уже говорить о нѣкоторыхъ другихъ общественныхъ учрежденіяхъ, каковы: телеграфы, больницы, въ особенности аптеки и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, въ Петербургѣ, напримѣръ, изъ 300 существующихъ здѣсь аптекъ только одна принадлежитъ русской фирмѣ. Даже телеграфное агентство, которое въ другихъ государствахъ имѣетъ національное значеніе, у насъ находится на содержаніи у берлинскаго учрежденія этого рода. Не безынтересно замѣтить, что наше международное агентство, въ лицѣ издателя „Голоса“ пользуется привилегіями и субсидіями отъ русскаго правительства, сохраняя на каждой своей телеграммѣ германскій штемпель. Какъ ни бились, какъ ни хлопотали въ теченіе цѣлаго года организовать у насъ самостоятельное, вполнѣ русское подобное учрежденіе, при помощи русской предприимчивости, съ обширными, конечно, подобно національнымъ агентствамъ другихъ государствъ, привилегіями отъ правительства, какъ ни рѣшительна была борьба къ устраненію германскаго вліянія на нашу прессу относительно по-

литической телеграфной корреспонденці, — нѣмецкіе „пролазы“ и „интриганы“ съумѣли ловко парализировать на время энергію, съ которою взялись за это дѣло истинно русскіе люди, и затаили его осуществленіе, при всевозможномъ содѣйствіи подлежащей власти.

Какимъ долготерпѣніемъ нужно вооружиться, какимъ обладать мужествомъ, чтобы бороться съ болячками нашей общественной жизни, которыя привиты нашими благодѣтелями и опекунами — нѣмцами. Они слишкомъ глубоко проникли въ плоть и кровь нашу, и нельзя не согласиться съ генераломъ Скобелевымъ, что избавимся мы отъ нѣмцевъ не иначе, какъ силою національнаго сознанія, съ мечомъ въ рукахъ.

Наши политическіе, экономическіе и социальныя интересы совершенно перепутаны нѣмецкою паутиной. Цѣлую четверть вѣка нѣмцы хозяйничали у насъ, какъ у себя дома, насаждая германскую цивилизацію вверху и нигилизмъ внизу.

Въ области финансовой распоряжается у насъ, за рѣдкими исключеніями, нѣмецъ или чужеземецъ. Въ высшей финансовой администраціи нѣмецкія фамиліи преобладаютъ; въ числѣ ученыхъ экономистовъ тоже. Нечего уже говорить о нашихъ банкирахъ: это почти сплошь, за ничтожными исключеніями, непременно нѣмецъ или еврей, но опять-таки изъ германскихъ евреевъ.

Статистика говоритъ намъ, что въ нашихъ портовыхъ городахъ и въ мѣстностяхъ на нашей сухопутной границѣ, гдѣ находились таможи, коммерческихъ фирмъ, ведущихъ внѣшнюю торговлю, оказывалось иностранныхъ 90% и только 10% русскихъ. Во главѣ большинства этихъ иностранныхъ фирмъ преобладали приказчики разныхъ нѣмецкихъ торговыхъ фирмъ, хотя и записанные у насъ въ купцы, но совершавшіе обороты за счетъ своихъ германскихъ или австрійскихъ хозяевъ. Поэтому можно безъ преувеличенія сказать, что двѣ трети прибыли отъ оборотовъ нашей внѣшней торговли, которая, по меньшей мѣрѣ, составляла нѣ-

сколько десятковъ миллионовъ рублей въ годъ, увозились за границу. Нужно ли говорить о контрабандѣ, которая всецѣло находится въ рукахъ нѣмцевъ или нѣмецкихъ евреевъ?

Наши финансисты, составляя замкнутую нѣмецкую группу, вотъ уже 20 лѣтъ какъ не впускаютъ въ свою среду, за очень рѣдкими исключеніями, не только практическихъ русскихъ людей, но серьезныхъ ученыхъ и экономистовъ русскаго происхожденія. Мы знаемъ нѣсколько русскихъ профессоровъ по каедрѣ политической экономіи и финансовъ, которые читаютъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ лекціи по этимъ предметамъ и которыхъ наши патентованные экономисты изъ нѣмцевъ чуждаются лишь потому, что они дѣйствительно стоятъ на высотѣ экономическихъ знаній. Воззрѣнія послѣднихъ на нашу финансовую систему часто принципиально расходятся съ воззрѣніями нѣмецкой группы. Да и можно ли одобрять господствующую систему, когда въ теченіе четверти вѣка она насъ не подвинула ни на шагъ въ дѣлѣ преобразования нашего бумажнаго денежнаго обращенія. Мало того, на одну поддержку вексельнаго курса совершенно напрасно израсходовано 327.000,000 р. мет.; потери отъ реализаціи капиталовъ для желѣзныхъ дорогъ составляютъ чудовищную сумму, около 300.000,000 р. мет. Прибавимъ къ этому выданныя гарантіи по акціямъ и облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ, на сумму свыше 350.000,000 рублей мет., возврата которыхъ придется ждать десятки лѣтъ, вслѣдствіе дорого стоящей постройки и хищнической эксплуатаціи этихъ путей сообщенія. Однѣ эти три статьи расхода государственнаго казначейства составляютъ уже 1 миллиардъ золотомъ и 4 миллиарда франковъ, которые высыпаны въ германскіе кошельки. Слѣдовательно, наука финансировать по-нѣмецки обошлась намъ не многимъ менѣе той контрибуціи, которую французы уплатили Германіи послѣ войны 1870—71 годовъ. Въ сущности, по части финансовъ научились мы у нѣмцевъ пока немногому, именно дѣлать въ разнообразныхъ видахъ и формахъ долги,

еще долги, еще долги, и притомъ все тѣмъ же нѣмцамъ. На эту мудрость хватило бы ума и у любого юнкера или гимназиста!

До сихъ поръ мы думали, что мы безъ нѣмцевъ совсѣмъ пропадаемъ; да какъ же иначе и думать? Въ спискахъ военно-служащихъ кишать нѣмцы; въ академіи наукъ—нѣмцы; въ бывшемъ III отдѣленіи управляли—нѣмцы; наконецъ, вліятельныя лица въ дипломатіи—также нѣмцы. Само собою разумѣется, что между ними есть не мало уже обрусѣлыхъ нѣмцевъ, но за то едва ли не столько, если не болѣе, русскихъ, которые мыслятъ и дѣйствуютъ по-нѣмецки.

Онѣмеченіе, вообще, совершается у насъ съ поразительнымъ успѣхомъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ можетъ служить наша пресса и журнализмъ. Между романистами и публицистами большинство—отщепенцы отъ православія и народности; они обнаруживаютъ свою научную беспомощность, говоря лишь общими мѣстами и дѣтски преклоняясь передъ Европою, а въ особенности передъ нѣмцами. Кромѣ того, популярныя политическія газеты, иллюстрированныя изданія, а также офиціозный органъ министерства иностранныхъ дѣлъ, не говоря уже о чисто нѣмецкой печати, находятся въ рукахъ нѣмцевъ или германскихъ и австрійскихъ евреевъ.

Издательница парижскаго журнала „La Nouvelle Revue“, г-жа Адамъ, побывавшая недавно въ Петербургѣ, надивиться не могла массѣ празднопатающей молодежи, получившей образованіе и лишенной у насъ возможности примѣнить свою дѣятельность на томъ или другомъ поприщѣ общественнаго служенія. Въ короткое свое пребываніе она, конечно, не могла узнать дѣйствительной тому причины. Всѣ лучшія мѣста заняты нѣмцами. Русской молодежи оставлены мѣста мелкихъ чиновниковъ въ канцеляріяхъ, учителей въ сельскихъ школахъ; были примѣры, что нѣкоторые изъ нихъ поступали въ извозчики, другіе, съ отчаянія, голода и холода, бросались въ среду анархистовъ, агентовъ сыска, или кончали самоубійствами.

Въ этомъ почтенномъ журналѣ (мы говоримъ о „La Nouvelle Revue“), въ книжкѣ отъ 15-го февраля, напечатана любопытная статья „О положеніи дѣлъ въ Россіи“.

Редакція французскаго журнала, сочувствующая національной русской политикѣ, помѣщая эту статью, оговаривается, что, не соглашаясь принципиально съ воззрѣніями автора, она, въ видахъ безпристрастія, дала мѣсто ей въ своемъ журналѣ лишь потому, что авторъ резюмируетъ „стремленія и взгляды цѣлой группы“ (опять группы!), управляющей дѣлами нашей внѣшней политики. Эта группа, говоритъ журналъ, воспитана болѣе въ школѣ дипломатическихъ изворотовъ, чѣмъ политики и національныхъ интересовъ, гдѣ, къ сожалѣнію, затерялись традиціи.

Приводимъ переводъ изъ той части этой статьи, которая говорить о русской внѣшней политикѣ и принадлежитъ, какъ извѣстно, талантливому дѣятелю нашей дипломатіи.

Нужно, чтобы Россія пересмотрѣла преданія своей внѣшней политики. Они уже устарѣли, и странные анахронизмы московской школы отзываются отсталостью. Интересы, чувства и побужденія Россіи остались неизмѣнны. Мы далеки отъ того, чтобы порицать тѣ великодушныя чувства христіанскаго братства, которыя заставили ее бесконечно проливать кровь свою за угнетенные народы. Русская нація такъ возродилась,—таковою же и останется. Впрочемъ, глава ея считаетъ своимъ долгомъ поддерживать слабыхъ и бѣдныхъ членовъ громадной семьи своей. Это его слава и его интересы.

Но средства измѣняются сообразно обстоятельствамъ. Человѣчество пережило уже время энтузіазма и необдуманнхъ порывовъ. Оно достигло уже того зрѣлаго возраста, который такъ хорошо опредѣленъ словами Горация: „Commisisse cavet quod mox mutare labore“. Оно управляется только разсчетами разума и изъ него черпаетъ ту силу, которую даетъ ему логическая связь причинъ и слѣдствій. Вездѣ господствуютъ знаніе, наука и организація. Въ сферѣ промышленной — фабрики вытѣсняють кустарный промыселъ, и ручное

производство замѣняется машиннымъ. Въ торговлѣ—большіе торговые дома убиваютъ мелкихъ торговцевъ. Даже самая война изъ ужасной драмы, какою она являлась прежде, сдѣлалась только машиной. Геройство отдѣльныхъ личностей, пылъ французовъ, такъ же какъ и русскіе штыки, не имѣютъ уже своего прежняго значенія. Все это можетъ считаться теперь скорѣе недостатками, потому что подставляетъ солдатъ подъ страшный огонь усовершенствованныхъ орудій. Война сдѣлалась наивысшимъ выраженіемъ цивилизаціи народа, его богатства, прибрѣтеннаго имъ капитала, могущества его организаціи, его вооруженія, мобилизаціи и его сплоченности. Такимъ образомъ, бремя, налагаемое войнами на народы, такъ велико, что ихъ можно предпринимать лишь съ цѣлью, соотвѣтствующею жертвамъ. Успѣхъ войны всегда на сторонѣ той націи, которая можетъ бросить на чашу вѣсовъ наибольшій вѣсъ накопленной ею цивилизаціи.

„Россія, несмотря на свою крайнюю молодость, не можетъ позволять себѣ политики, основанной на чувствѣ. Да, впрочемъ, такая политика и не въ ея традиціяхъ. Всѣ великія войны Петра I и Екатерины II были, по существу своему, войнами политическими. Великая императрица взяла подъ свою защиту восточныхъ христіанъ, но, въ то же время, она ослабила турецкую имперію, представлявшую тогда еще опаснаго врага; она довершила територіальное объединеніе имперіи присоединеніемъ Крыма и открытіемъ пути въ Черное море. Она взяла въ Европѣ подъ свою защиту монархическіе принципы, но, въ то же время, возвратила Россіи провинціи, отнятыя поляками. Съ тѣхъ поръ начали смѣшивать цѣль со средствами. Въ Европѣ Россія вела войны изъ за принципа и истощалась на Востокѣ ради освобожденія христіанъ. Такія неполитическія войны разоряютъ ведущую ихъ страну, не служа ея интересамъ, такъ какъ, вполнѣ естественно, даже и въ случаѣ побѣды, она выходитъ изъ нихъ утомленною а многіе годы. Въ это время государства, сохранившія свои

силы во всей ихъ неприкосновенности, пользуются случаемъ распространить свое вліяніе или занимають удобныя позиціи, на всякій случай, для будущаго времени. Освобожденные народы, не рассчитывая болѣе на помощь своего покровителя, обращаются въ ту сторону, гдѣ они могутъ рассчитывать на полученіе средствъ, необходимыхъ имъ для своего устройства. Вотъ почему Греція и Румынія, созданныя, такъ сказать, русскою кровью, находятся нынѣ въ авангардѣ противниковъ Россіи. Сербія имѣетъ уже по-ползновеніе послѣдовать ихъ примѣру, а черезъ нѣсколько лѣтъ то же сдѣлаетъ и Болгарія. Таковъ неизбѣжный законъ съ тѣхъ поръ, какъ богатство сдѣлалось первымъ условіемъ могущества государствъ и залогомъ ихъ безопасности. Чувства поневолѣ должны находиться въ зависимости отъ интересовъ.

„Непростительно было бы со стороны Россіи не признать такого порядка вещей и продолжать свою политику безразсуднаго донкихотства. Охраняя традиціи, составляющія ея славу, и неизмѣнные интересы, созданные исторіей, она должна отнынѣ при-норовливать средства къ цѣлямъ и обстоятельствамъ.

„Россія должна предоставить Европу самой себѣ, не становясь во враждебныя отношенія къ другимъ государствамъ, не вовлекаясь, въ видахъ достиженія европейскаго равновѣсія или удовлетворенія чувства политической сантиментальности, въ разорительныя войны, выгодныя только для ея противниковъ. Тогда, когда она достигнетъ своего естественнаго развитія, голосъ ея пріобрѣтетъ силу, достаточную для защиты собственныхъ своихъ интересовъ. Въ случаѣ нужды, у нея будутъ и союзники, въ которыхъ у сильныхъ никогда не бываетъ недостатка; она въ состояніи будетъ предложить находящимся подъ ея покровительствомъ единоплеменникамъ нѣчто большее историческихъ симпатій или великодушной и необдуманной преданности, внушающей имъ благодарность, но не могущей противиться давленію, оказываемому, въ нашъ исключительно практическій и дѣловой

вѣкъ, торговыми и промышленными сношеніями, капиталами, предпріятіями, желѣзными дорогами и обмѣномъ, обогащающимъ какъ продавцовъ, такъ и покупателей.“

Боже великій! Развѣ авторъ этихъ строкъ, европейски-образованный человѣкъ изъ русскихъ дипломатовъ, не мыслить о нашемъ положеніи какъ чужеземецъ, если не нѣмецъ? Развѣ его дипломатическая изворотливость можетъ имѣть характеръ определенной политической программы? Платонически любя культуру, развѣ онъ выработалъ себѣ убѣжденія, говоря общими мѣстами? Преклоняясь передъ Европою, развѣ онъ не ориентировался въ германской цивилизаціи и не проникся чисто нѣмецкимъ доктринерствомъ? И это въ то время, когда Россія неудержимо и стремительно идетъ по пути національной цивилизаціи, гдѣ не будетъ уже мѣста для преобладанія ни нѣмца, ни іезуита.

Тяжело и грустно, что мы до сихъ поръ боимся говорить прямо и искренно о своемъ политическомъ идеалѣ, заглушенномъ страстною полемикою западниковъ и славянофиловъ, запутавшихся въ его поискахъ. И все потому, что мы не уважаемъ своего „я“ что мы онѣмечены сверху до низу...

Заслуга генерала Скобелева въ томъ и заключается, что онъ первый неустрашимо выступилъ съ знаменемъ русскаго идеала. Смыслъ рѣчей его, — къ имѣющимъ уши, да слышать, — это выраженіе русскаго идеала. Пора ученичества для Россіи прошла время погони за идеаломъ миновало; выступаютъ впередъ истинно русскіе люди, нося въ себѣ идеалъ своей цивилизаціи: всемірный прогрессъ, на національной почвѣ, насаждаемый русскимъ геніемъ и талантомъ.

Одна славянская раса сохранила въ себѣ высочайшіе принципы идеализма, которые Христось, являясь въ міръ, принесъ всѣмъ народамъ; въ то время всѣ цивилизаціи міра находились въ полномъ разложеніи. Извѣстно, что классическій міръ встрѣтилъ христіанство съ отвращеніемъ и презрѣніемъ, философы-императоры

вели съ нимъ кровавую борьбу. Въ то время греко-римскій культурный классъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ оживить умирающее язычество. Неумолимая борьба противъ христіанства велась не только классическимъ міромъ и культурными людьми устарѣвшихъ цивилизацій, но и еврейскою теократіей.

Въ настоящее время упадокъ христіанскаго идеализма не обнаруживаетъ ли упадокъ европейской современной цивилизаціи, который ясно видѣнъ въ распространеніи социализма, стоящаго не выше утилитарно-реалистической китайской цивилизаціи, въ которой нашла себѣ идеаль германская раса? Примѣръ Китая свидѣтельствуется, что утилитарно-реалистическая цивилизація весьма устойчива, но въ то же время исторія Китая знаетъ множество революцій, которыя всѣ оканчивались низложеніемъ династій, смѣною мандариновъ и возстановленіемъ стараго порядка. Не случайно буддизмъ сдѣлался господствующею религіею китайцевъ, ибо буддизмъ есть реализмъ, принявшій форму религіи. Ученіе Конфуція носитъ на себѣ рѣзко реалистическій, даже откровенно матеріалистическій характеръ. Нынѣшній идеаль Германіи пошелъ далѣе, получая видъ утилитарно-реалистической цивилизаціи, построенной въ виду завоевательной цѣли. Какъ бисмаркская Германія, такъ и монгольскія государства и цивилизаціи, созданныя Чингисханомъ, представляютъ ни что иное, какъ военный лагерь, всегда готовый къ битвѣ. Китайская стѣна изъ стальной брони, сооруженная вокругъ Германіи на деньги французской контрибуціи, имѣетъ одну цѣль: угрожать разрушеніемъ христіанскому міру, созидавая чувственную культуру.

Таковы идеаль цивилизаціи нынѣшней Германіи, и ихъ то рекомендуютъ намъ наша нѣмецкая партія съ ея русскими прозалитами, зараженными современною нравственною язвой нѣмецкаго социализма. Прочь ее отъ насъ, прочь!

Мало того. Утилитарно-реалистическая цивилизація, чуть только начинаетъ ослабѣвать государственная власть и законъ, можетъ при-

нять, какъ доказываетъ всемірная исторія, формы чувственной цивилизаціи. Самая чистая форма такой цивилизаціи была цивилизація вавилонская. Живой образецъ чувственной культуры представляетъ мусульманская цивилизація: дворцы, кіоски, гаремы, сады, фонтаны и рядомъ съ этимъ комфортомъ жизни глубокое нравственное ничтожество.

Исторія чувственной цивилизаціи есть въ сущности исторія постепеннаго упадка, до полного разложенія. Въ современной Европѣ, и преимущественно въ средѣ романской расы, живутъ чувственную жизнью, болѣе или менѣе прикрываясь идеалистическими тенденціями. Общество, предавшись чувственности, въ ней жертвуетъ. На видѣ цвѣтущая цивилизація Франціи прогниваетъ въ центрѣ. Сильная, деспотическая государственная власть во время Наполеона поддерживала въ ней порядокъ, но за этимъ порядкомъ скрыта была внутренняя дряблость. Достаточно было внѣшнягo толчка, чтобъ этотъ трупъ рухнулъ, какъ рухнулъ Римъ отъ толчка тѣхъ же германцевъ.

Французская республика пошла другой дорогой, представляя нынѣ утилитарно-реалистическій періодъ исторіи. Но она, какъ мы видѣли въ Германіи, вовсе не составляетъ прогрессивнаго развитія государства. Она доказываетъ лишь одно,—что въ исторіи чело-вѣчества прогрессъ, регрессъ и упадокъ встрѣчаются постоянно (*).

„Въ чувственныхъ цивилизаціяхъ, соединенные съ болѣе или менѣе свободными формами, при которыхъ государство наименѣе регулируетъ чувственную жизнь, какъ у финикянъ и кареагенянъ, цивилизація и народность быстро идутъ къ упадку. Въ реалистическихъ цивилизаціяхъ, гдѣ государство регулируетъ чувственную жизнь, цивилизація и народность устойчивѣе, но лишь относи-

---

*) «Первобытная культура». Тейлора.—Geike. «The life and words of Christ». — Portal. «Politique de lois civiles». — «Цивилизація, ея происхожденіе, развитіе и паденіе». Проф. Хлѣбникова.

тельно, ибо индивиды этихъ цивилизацій, лишенные свободной внутренней энергіи, лишенные идеаловъ, болѣе похожи на гальванизированныя трупы, чѣмъ на людей. Только въ идеалистической цивилизаціи государство находитъ опору въ самыхъ (истинно-христіанскихъ) основахъ цивилизаціи и можетъ предоставить индивиду умственную свободу, пока идеалистическія стремленія живутъ въ народѣ“.

Еще разъ прочь, прочь навязываемыя намъ нѣмецкими и онѣмечившимися русскими философами, политиками и экономистами гнилостныя западно-европейскіе принципы **). Намъ нужно по-

---

**) Эти принципы латинства и протестанства проповѣдываются у насъ даже съ высоты каедръ. Лучшимъ доказательствомъ могутъ служить современныя проповѣди, которыя читаетъ русской молодежи профессоръ Соловьевъ, зараженный нѣмецкими философскими мудрствованіями и критицизмомъ, въ которыхъ догматическій идеализмъ смѣшался съ догматическимъ и отчасти легкомысленнымъ матеріализмомъ. Вотъ что онъ проповѣдуетъ о христіанской вѣрѣ:

«Люди факта живутъ чужою жизнью, но не они творятъ жизнь. Творятъ жизнь люди вѣры. Это тѣ, которые называются мечтателями, утопистами, юродивыми, они же пророки, истинно лучшіе люди и вожди человѣчества».

«Юродивые», «утописты», «мечтатели», такъ сказать, наши нигилисты, которые представляютъ собою вырождовъ отъ смѣси западнаго радикализма, коммунизма, соціализма и космополитизма; они же, увѣряетъ г. Соловьевъ, пророки, лучшіе люди, вожди человѣчества... Благодаримъ покорно. До сихъ поръ мы знали, что нигилизмъ, какъ ученіе утопистовъ, осуждается вѣрою, а г. В. Соловьевъ хочетъ доказать, что утописты—«люди вѣры».

«Творить жизнь», видите ли, будутъ нигилисты или ихъ родоначальники, нѣмецкіе соціалисты, а мы должны быть ихъ покорнѣйшими слугами и ни болѣе, ни менѣе, какъ «людьми факта», жертвами проводимыхъ ими въ жизнь утопій и рабами мечтателей и даже юродивыхъ. Прелестно!

Г. В. Соловьевъ уже не разъ пытался попробовать свои силы въ борьбѣ съ логикою, и едва ли какой либо безпристрастный зритель этой

кровительство и поддержка при образованіи собственного идеализма. Знаменитая наполеоновская идея, которой подражаетъ князь Бисмаркъ, есть не что иное, какъ утилитарный реализмъ, готовый обосноваться на развалинахъ свободной истинно-христіанской цивилизаціи.

Прочь, прочь отъ насъ эти идеи, эту язву христіанской Европы! Но если реалистическую и чувственную цивилизацію хотятъ намъ навязать путемъ насилія, т. е. тѣмъ средствомъ, которымъ она поддерживается въ Германіи, то намъ ничего не остается какъ совершить благородное насиліе, вооружаясь противъ изувѣровъ, кто бы они не были.

„Мы отъ него, повторяемъ слово доблестнаго генерала,—избавимся не иначе, какъ съ мѣчомъ въ рукахъ; борьба съ нѣмцемъ неизбежна и близка!“

Намъ могутъ сказать, что „кровь и желѣзо“ несомнѣстимы съ христіанскою доктриной, но прибѣгаютъ къ нимъ лишь націи, утратившіе свои христіанскіе идеалы. За тѣмъ, скажутъ, мы преисполнены духомъ сомнѣнія къ солидности нашей матеріальной силы

борьбы согласится, что онъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ. Война съ логикой—это борьба противъ истины и здраваго смысла. Г. Соловьевъ забываетъ, что надъ природою вещей мы не властны. «Если соль не солена будетъ,—кто осолитъ ее?» говоритъ Христосъ.

Идею христіанства, идею церкви можно выяснитъ только въ логическомъ ея опредѣленіи, чего и не хватаетъ въ философскихъ мудрствованіяхъ г. Соловьева. Онъ отыскиваетъ осязательный, внѣшній признакъ истиннаго христіанства; онъ ищетъ единства въ вѣрѣ всечеловѣческой. А іезуитъ манитъ г. Соловьева пальчикомъ и на ухо говоритъ ему: «Вы ищете внѣшняго признака непогрѣшимой истины, вы ищете идеальнаго единства въ церкви, которая отличается отъ всѣхъ вѣроисповѣданій своею объединяющею силою, и не находите, а у насъ онъ есть—папа. Вы, въ сущности, папистъ, но непослѣдовательный». Г. Соловьевъ становится втупикъ. А почему? Все—потому, что идею вѣры, христіанства, церкви слѣдуетъ выражать точно, строго, въ формѣ, такъ сказать, стереотипной, къ которой уже нельзя ничего прибавить и отъ которой

противъ германскаго Чингисхана. Эти сомнѣнія могутъ быть только въ той средѣ, которая не вѣруеть въ присутствіе Промысла въ жизни, когда въ глубинѣ души каждаго вѣрующаго слышатся явственныя отвѣты настоящаго на вопросы прошедшаго, возстановляющіе смыслъ и правду въ жизни.

Намъ нужно поднять силу религіознаго и національнаго самосознанія и, въ искушеніе нашихъ прежнихъ прегрѣшеній, держать мечъ въ рукахъ. А пока единственный мечъ, которымъ истинный христіанинъ долженъ пользоваться, который и врагомъ его можетъ быть съ нѣкоторымъ успѣхомъ противъ него обращаемъ, — есть слово. Слово — предметъ внутренней духовной жизни; всѣ-же внѣшнія проявленія политической жизни составляютъ область государственную на усыпномъ попеченіи которой лежитъ забота держать во всякое время готовымъ мечъ войны. „Воздадите Божіе Богу, а Кесарева—Кесареви“.

нельзя ничего урѣзать. Такъ говорятъ истинные богословы, а г. Соловьевъ, въ своихъ проповѣдяхъ, обнаруживаетъ разсудокъ, или хватяющійся за призракъ истины, или доискивающійся до самодѣльной истины.

Г. Соловьевъ проповѣдуетъ для церкви доктрину, систему, учрежденіе, а между тѣмъ какъ церковь—ни доктрина, ни система, ни учрежденіе. Церковь есть живой организмъ, организмъ истины и любви или, точнѣе, истина и любовь въ организмѣ.

Настоящее поколѣніе русскаго общества вообще и русской молодежи въ частности нуждается въ трезвомъ словѣ, которое бы руководилось христіанскою истиною, обобщало дѣло въ идеалъ, который бы упорядочилъ и освятилъ нашу дѣятельность на національной почвѣ, въ руководителяхъ, не зараженныхъ язвою нѣмецкаго социализма, которые бы шли впередъ. Г. Соловьевъ проповѣдуетъ *тройкаго* рода христіанство—храмовое, домашнее и общечеловѣческое. Уймите его, люди богословской науки, и докажите ему, какъ дважды два — четыре, что настоящій христіанинъ, а не христіанинъ-доктринеръ, знаетъ только одно христіанство. Одинъ изъ свѣтскихъ оппонентовъ г. Соловьева замѣтилъ, что его новое слово мыльный пузырь, хотя, сознаемся, мыльный пузырь, въ которомъ отражается солнце!

II

НѢМЕЦЪ ИДЕТЬ.

Когда русскій человѣкъ начинаетъ впадать въ апатію, въ индифферентизмъ, когда пессимизмъ проникаетъ въ общество и печать когда упадокъ духа замѣчается въ нравственно и политически-благонадежныхъ сферахъ,—тогда жди бѣды. Значить, тишь передъ бурей, кризисъ.

Подобное настроеніе русскаго общества всегда сопровождалось для Россіи большими несчастіями. Нашъ пессимизмъ всегда на руку врагамъ русскаго народа. Запугиваніе и угрозы изъ враждебнаго лагеря сыплются тѣмъ охотнѣе и смѣлѣе, чѣмъ пессимистичнѣе настроено русское воображеніе, чѣмъ менѣе упадокъ духа оставлялъ силы воли, чтобы придти въ себя, опомниться и сбросить путы апатіи и недомыслія.

Казалось бы, въ такіе болѣзненные моменты исторія Россіи указываетъ на средства къ ихъ устраненію. Соединитесь съ благо-разумными людьми,—и тогда не будутъ страшны неблагоприятные. Такъ нѣтъ. Мы прежде всего бросаемся въ опасное бурное плаваніе, „какъ будто въ буряхъ есть покой“. И когда уже придется очень тяжело и надежды достигнуть благополучно берега гаснутъ,—тогда мы ищемъ спасителей—благоразумныхъ людей.

Мы—народъ крайній. А крайности и доводятъ насъ до того, что въ погонѣ за прогрессомъ мы бросаемся прежде въ омутъ ре-

гресса. Благоразумію предшествуетъ обыкновенно неблагоразуміе. Недаромъ и сложилась пословица, что русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ.

Доказательства на лицо.

Первый случай изъ далекаго прошлаго.

Если бы мы соединились съ благоразумными людьми до польскаго возстанія, а не послѣ его, то могло ли быть самое возстаніе?

Благоразумные люди спросили бы у вожаковъ повстанія:

— Есть ли у васъ войско?

— Нѣтъ.

— Есть ли у васъ деньги?

— Нѣтъ.

— Есть ли у васъ союзники?

— Есть.

— Кто?

— Государь-папа, съ кардиналомъ Антонелли во главѣ.

— „Папа—волкъ“, —сказалъ еще Іоаннъ Грозный, а кардиналъ Антонелли, извѣстно, —іезуитъ. Цѣль ихъ—постоянная пропаганда латинства.

— То-то и есть, отвѣчаютъ, потирая руки, вожди повстанія:— бороться съ іезуитствомъ, какъ съ христіанскимъ ученіемъ, вы не можете, ибо іезуитизмъ, подъ видомъ христіанства, разрушаетъ всѣ условія христіанскаго общежитія.

— Такъ, вѣрно. Іезуиты—люди такого рода, что противъ нихъ, съ одной стороны, недостаточны внѣшнія средства государственныя, обыкновенно употребляемыя противъ злодѣевъ, а съ другой стороны—бесильна проповѣдь истины, потому что ими сознательно признана и освящена ложь—какъ ложь, какъ принципъ...

— Поэтому-то іезуиты и поставлены у насъ въ авангардѣ повстанія.

— Мы ихъ выгонимъ.

— А, это другое дѣло. Тогда намъ ничего не остается, какъ

положить ружья къ козлы.

И повстанія не было бы. Не было бы напраснаго пролитія крови, во всякомъ случаѣ, единоплеменнаго намъ народа, но сбитаго съ толку іезуитскимъ духовнымъ воинствомъ, водворившемъ въ Польшѣ мистическія сочиненія, въ родѣ „Польскаго революціоннаго катехизиса“, „Революціонныхъ правилъ вѣры для обучающихся“ (*Uczmy się*) и „Польской революціонной обѣдни“, которыми польское общество доведено было до религіознаго изувѣрства. Крамольная работа находила себѣ опору въ кошунствѣ и богохульствѣ своего латинскаго духовенства, опасныхъ при ихъ таинственности. Оглашеніе ихъ вырвало польское общество изъ фанатическаго ослѣпленія, которое навѣяно были ксендзами-іезуитами, подвергшимися въ послѣдствіи изгнанію.

Другой случай изъ недавняго прошлаго. Благоразумные люди, конечно, предпочли бы осуществить созывъ берлинскаго конгресса по восточному вопросу не послѣ войны съ Турціею, а передъ нею.

— Кто у васъ съ оружіемъ въ рукахъ союзники, которые стояли бы за ваше упрямство не давать удовлетворенія угнетаемому и бѣдствующему христіанскому населенію Турціи? — таковъ вопросъ, который могъ бы представитель Россіи задать на европейскомъ ареопагѣ представителю Порты.

— Англія.

— Неправда, долженъ былъ бы волей-неволей отвѣчать лордъ Биконсфильдъ.

— Германія.

— Неправда, сказалъ бы, скрѣпя сердце, князь Бисмаркъ.

— Австрія.

— Неправда, отвѣчалъ бы, притаивъ дыханіе, графъ Андраши.

— Такъ кто же ваши союзники?

— Мусульманскій міръ.

— А много ли у него войска для борьбы съ русскими арміями?

— Немного.

— А деньги есть?

— Нѣтъ.

— Куда же вы, очертя голову, лѣзете?

— А ничѣмъ не сдержимый мусульманскій фанатизмъ?

— Въ Азію, въ Азію его. Въ Европѣ нѣтъ ему мѣста, было бы единогласное рѣшеніе конгресса. Все уладилось бы какъ нельзя лучше, и сотни тысячъ жизней были бы спасены, и миллиарды денегъ не были бы истрачены.

Третій случай, живой и современный.

Пылкое воображеніе и ничѣмъ не сдерживаемый пессимизмъ рисуютъ себѣ Россію наканунѣ войны съ европейскою коалиціей. Пусть будетъ такъ. Но вѣдь не Россія вызоветъ противъ себя Европу? Не будь въ Европѣ „человѣка крови и желѣза“, кому нужно было бы воевать съ Россіей? Эти пангерманскія кровожадныя вождельнія противъ Россіи и славянства отразить совсѣмъ не такъ трудно.

Огромныя европейскія полчища, дѣйствуя воедино и въ общемъ союзѣ германской и романской расы противъ славянской, могутъ въ началѣ достигнуть многого, могутъ, при помощи хитроумной военной механики, взять Польшу, остзейскія провинціи, а въ 2—3 года войны дойти до Петербурга и до Москвы. Всего этого, руководимые счастьемъ и умѣньемъ, они, положимъ, могутъ достигнуть; но вотъ чего, въ концѣ концовъ, они не могутъ добиться— это согласія Россіи на миръ, если они не оставятъ ее въ прежнихъ границахъ и не ретируются во-свояси. Упорство ихъ будетъ имѣть послѣдствіемъ: обще-европейское банкротство, какъ неизбежный результатъ долготѣней войны, и гибель европейскихъ войскъ отъ голода и холода въ нашихъ тундрахъ, болотахъ, степяхъ, снѣжныхъ заносахъ и сугробахъ. Чѣмъ кончилась война 1812 г., тѣмъ, несомнѣнно, кончится и современная. Россія восторжествуетъ и дастъ Европѣ миръ.

Но ничего подобнаго европейской войнѣ и быть не можетъ.

Жаждетъ войны съ Россіей Германія, но не Европа. Германія вооружается, укрѣпляется, строитъ намъ козни и въ Турціи, и въ Китаѣ, и въ Австріи, высылаетъ въ Россію цѣлыя полчища развѣдчиковъ, шпионовъ, социалистовъ, анархистовъ и серьезно грозитъ намъ войною. Извѣстно, что нѣмецъ „пролазь и интриганъ“. Отнимите у него тотъ костыль, ту опору, держась за которую, онъ занялъ настоящую высокопѣрную позицію, — и нѣмецъ запатается, подождетъ хвостъ и будетъ тише воды, ниже травы. Источникомъ могущества Германіи и опорой ея силы была Россія. Она помогла Германіи возвеличиться и раздавить Францію Наполеонидовъ. Но, въ то же время, этимъ путемъ Россія дала понять Франціи, что послѣдняя, въ лицѣ Наполеона Ш, забыла своего естественнаго союзника, именно Россію. Современная Франція это понимаетъ, и уже не измѣнитъ намъ. Этотъ союзъ есть лучшая гарантія противъ германскаго милитаризма и не въ мѣру заносчиваго ея канцлера, лучшая опора европейскаго мира и спокойствія въ самой Германіи.

Четвертый случай—это тогъ, который породилъ у насъ, уже 20 лѣтъ назадъ, внутреннюю социальную борьбу, отъ которой мы до сихъ поръ избавиться не можемъ.

У насъ чужеземецъ хозяйничаетъ. Назовите его нѣмцемъ, іезуитомъ, іудеемъ, будь онъ социалистъ, коммунистъ, нигилистъ, анархистъ,—во всякомъ случаѣ, онъ изувѣръ.

Какъ же мы боремся съ этими врагами отечества и христіанства? Мы только отбиваемся. Но отбиваться—не значитъ еще опровергать; опровергать—не значитъ еще побѣдить: въ области мысли, говорятъ благоразумные люди, побѣжденнымъ можетъ считаться только то, что окончательно понято и опредѣлено, какъ ложь, какъ ересь. Отбиваясь, мы стали въ положеніе оборонительное, слѣдовательно, подчиненное пріемамъ и образу дѣйствій ересіарховъ. На Руси, благодаря хозяйничанью чужеземцевъ, наплодились нигилисты; мы начинаемъ бросать въ нихъ и сводомъ

законовъ, и политическою экономіей, и общественнымъ мнѣніемъ Европы, да заразы и религіей, благо ужь она намъ подвернулась подь руку. Выписали профессора-казуиста, г. Цитовича, на эту страстную религіозную полемику. Оказался іезуитъ.

Такъ дѣйствовали неблагоразумные врачи общественныхъ недуговъ, а благоразумные говорили имъ: „Вы забыли одно,—что для успѣха въ дѣлѣ разсѣянія умственной смуты нужно было стать не противъ противника, а надъ нимъ“.

Гдѣ же дѣйствительное средство противъ умственной анархіи? Отвѣтъ нетруденъ: побѣдить противниковъ правдолюбіемъ; уничтожать заблужденія не насиліемъ или понужденіемъ, а путемъ убѣжденія, разумнаго увѣщанія.

Главная же задача заключается въ охраненіи православія, народности, нравственности и добрыхъ нравовъ, а также въ прочно-организованномъ правительствѣ. На этихъ твердыняхъ и устояхъ все пойдетъ какъ по маслу.

Наша интеллигенція, нелишенная внутренней религіозной жизни, выработала, подъ вліяніемъ чужеземныхъ ученій, не находившихъ себѣ дѣятельнаго отпора, религіозный индифферентизмъ, который постепенно перешелъ въ открытый матеріализмъ.

Проводникомъ невѣрія въ наше интеллигентное общество было латинство и протестантство и выработанная ими система доказательствъ, отъ которой мы только отбивались. Присоедините къ этому идеи іудаизма, предлагающія человѣчеству запасъ готовыхъ формулъ для практической жизни. Послѣднія чаятъ учредить царство „отъ міра сего“, между тѣмъ дѣло спасенія человѣчества, совершенное Іисусомъ Христомъ, было преимущественно дѣло побѣды духа надъ плотью, надъ стихійностью („Я побѣдилъ міръ“).

Проповѣдь невѣрія, при всей своей несостоятельности, была заносчива; отсюда успѣхъ ея былъ огромный и легкій среди учащихя; поэтому цѣлыя поколѣнія русской молодежи ударились въ невѣріе.

Покончить съ пагубнымъ вліяніемъ у насъ невѣрія можно только сначала подготовкою къ борьбѣ съ современнымъ раціонализмомъ.

Раціонализмъ—это логическое знаніе, отрѣшенное отъ нравственнаго начала; знаніе, ограниченное древодомъ познанія, но безъ прибавки: добра и зла. Раціонализмъ—это ученіе, стремящееся освободить умъ человѣка безусловно отъ всякихъ стѣсненій; въ жизни оно отрицаетъ общепринятый существующій порядокъ. Раціонализмъ вытекаетъ отчасти изъ латинства, гдѣ разумокъ хватается за призракъ истины и отдаетъ свободу въ рабство внѣшнему авторитету, а главнымъ образомъ—изъ протестантства, гдѣ разумокъ доискивается самодѣльной истины и приноситъ единство въ жертву субъективной искренности.

Погоня за европеизмомъ русскаго интеллигентнаго общества, потерявшаго національную почву и систематически умаляющаго значеніе именно русскаго генія и таланта передъ чужеземнымъ, имѣла одинъ результатъ: она отстала отъ одного берега и не пристала къ другому. Отшатнувшись отъ православія, оно не перешло ни въ католицизмъ, ни въ протестантство; оно отшатнулось не только отъ православія, но и отъ христіанства вообще.

Здѣсь причина, что мы не можемъ освоиться съ современнымъ просвѣщеніемъ и найти устои, охраняющіе нравственность и добрые нравы. А безъ этого русская національность ступшевывается. Этого-то и желали, для ослабленія Россіи, достигнуть исконные враги наши, нѣмцы, приславъ къ намъ легіонъ воинства еврея Лассала, а съ нимъ и большой взрывчатый аппаратъ учености, для защиты его утопій, при помощи запальчивой критики существующаго порядка, какъ двигателя народныхъ страстей.

Какъ и повсюду, представителемъ общественнаго мнѣнія является у насъ печать, которая получила въ прошедшее царствованіе огромное развитіе. Напрасно думаютъ, что у насъ не можетъ быть мѣста антирелигіозному и антинаціональному

заправленію. Благодаря именно настоящимъ порядкамъ, между-строчная проповѣдь отрицанія дѣйствуетъ у насъ на просторѣ уже 30 лѣтъ: она неуловима, и заглушаетъ здравую положительную мысль, которая должна выражаться прямо и искренно, но не можетъ выйти изъ указанныхъ рамокъ. Странно привести связаннаго къ его врагу и сказать первому: „Борись съ нимъ“. Напередъ нужно развязать связаннаго. Въ такомъ же положеніи находятся и польскіе ксендзы, протестантскіе пасторы и іудейскіе раввины, въ сравненіи съ православными священниками: между тѣмъ какъ ксендзь, пасторъ или раввинъ проповѣдываютъ въ своемъ храмѣ совершенно свободно, не стѣсняемые никакимъ контролемъ,—православный священникъ русской церкви, вслѣдствіе разныхъ цензурныхъ формальностей, въ сравненіи съ этою свободою, можетъ назваться, поистинѣ, связаннымъ. Что же происходитъ отсюда? Газета „Востокъ“, на-дняхъ, константировала фактъ, что въ западно-русскомъ краѣ успѣшно идетъ латинская пропаганда. „Если вѣрить, говоритъ газета: — извѣстіямъ, которыя до сего времени остались неопровергнутыми не только въ холмско-варшавской епархіи, но и въ литовской, нерѣдко цѣлыя селенія переходятъ въ римско-католичество“. Вообще переходъ русскихъ въ латинство совершается, въ послѣднее время, очень часто, въ особенности, какъ это свидѣтельствуется „Православное Обозрѣніе“, въ луцко-житомірской епархіи, гдѣ католическіе паны оказываются, въ большинствѣ, русскіе бояре по происхожденію, измѣнившіе своей вѣрѣ и народности. А переходъ русскихъ въ латинство совершается вслѣдствіе полнѣйшаго незнанія ученія православной вѣры и вслѣдствіе того, что католическій проповѣдникъ не обращаетъ, а со-блзняетъ въ католицизмъ. Наконецъ, если въ царствованіе императора Николая нѣсколько главнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей въ Россіи явились изъ людей, воспитанныхъ іезуитами, то во сколько кратъ легче была въ прошедшее царствованіе вер-

бовка нашихъ государственныхъ людей въ духовное подданство государю-папѣ.

Образовались у насъ и политическія партіи, для которыхъ существуетъ естественный законъ, соотвѣтствующій закону человѣческихъ возрастовъ. На этомъ основаніи, образовались у насъ 4 партіи, которыя соотвѣтствуютъ, конечно, говоря приблизительно, духу и обособленности извѣстнаго возраста человѣка: радикалы (возрасту мальчика и неразвитаго юноши), либералы (вполнѣ развитаго юноши), консерваторы (зрѣлаго мужчины) и абсолютисты (старца). Первые двѣ партіи повсюду составляютъ партіи движенія, остальные двѣ — партіи охраненія. При нормальномъ положеніи даннаго государства, главное руководство политическою жизнью принадлежитъ обѣимъ умѣреннымъ, т. е. либераламъ и консерваторамъ, а не крайнимъ партіямъ.

У насъ случилось какъ разъ наоборотъ. Подъ вліяніемъ дѣятельной пропаганды лжеученій нѣмецкихъ социалистовъ, взяли верхъ крайнія партіи, къ которымъ присоединились и либералы. Уцѣлѣла, какимъ-то чудомъ, на здоровой почвѣ одна умѣренно-консервативная партія, но въ такомъ ничтожномъ меньшинствѣ, что вліяніе ея недавно еще сводилось почти къ нулю. Не будь новыхъ вѣяній, — и она, рано или поздно, ударилась бы въ ту же крайность. Абсолютисты — это тѣ недовольные упраздненіемъ крѣпостнаго строя жизни и водворенія на мѣсто его свободно-гражданскаго, та облѣнившаяся аристократія, которая отличалась умственной безпомощностью, при встрѣчѣ съ новою жизнью. Она окончателно сбилась съ толку, живя чужимъ умомъ, но, во всякомъ случаѣ, умомъ недовольныхъ: то либераловъ, то радикаловъ, хотя болѣе развитые ея представители и стараются удерживать за собою особое міровоззрѣніе, стоя на сторонѣ господства сильныхъ, т. е. плутократіи хотя бы это были и нѣмцы.

Представители этихъ трехъ дѣйствующихъ партій (либералы, радикалы и абсолютисты) начали творить судъ надъ Церковью и пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

Либералы додумались, что православіе есть не болѣе, какъ пер-
вобытная, безразличная среда, изъ которой, по закону прогресса,
на западѣ, опередившемъ насъ въ просвѣщеніи, должны были
выдѣлиться два направленія: латинское и протестантское, кото-
рымъ, какъ будто бы болѣе развитымъ формамъ христіанства,
предназначено современемъ подѣлать между собою православіе и
окончательно поглотить его.

Это наши западники, послѣдователи латинства.

Радикалы оговаривались, что латинство и протестантство,
какъ противоположныя и взаимно исключаютія условія, не мо-
гутъ быть конечными терминами развитія христіанской идеи, и
что, рано или поздно, они должны исчезнуть сами, конечно не
въ устарѣломъ и отжившемъ, по ихъ мнѣнію, православіи, а въ
какой-нибудь новой формѣ религіознаго міросозерцанія. Это по-
слѣдователи протестантской идеи наши утописты, мечтатели, или,
какъ называетъ ихъ апостоль новой вѣры, г. Соловьевъ, — „уро-
дивые“, т. е. нигилисты.

Абсолютисты совсѣмъ потонули въ безвѣріи и безнравствен-
ности, которыя мирять ихъ съ самими собою, какъ скоро іезуитъ,
въ родѣ г. Цитовича, далъ ихъ мыслямъ научное освѣщеніе,
успокоивая червячка ихъ совѣсти. Упадокъ всѣхъ добрыхъ началъ
нравственности и несдержимое стремленіе къ осуществленію сбязю-
бивыхъ помысловъ дошли у нихъ до крайняго предѣла развитія.

Это наши облѣнившіеся крѣпостники.

Совокупность этихъ направленій дала въ результатѣ отрыв-
чатыхъ людей, анархистовъ.

Политическія убѣжденія этихъ партій отзываются, за неболь-
шими исключениями, космополитизмомъ и отождествляются съ
началами іудаизма, — *ubi bene ibi patria*.

Эти три партіи вздумали навязывать русскому народу, — народу
глубокой вѣры и религіознаго чувства, — что же? — Отрицаніе право-
славія и даже Божества, т. е. отрицаніе начала, съ которымъ у

него соединены самые свѣтлые и чистые моменты жизни, — начала, составляющаго опору въ жизненной борьбѣ. Отсюда вышло то, что русскій народъ, который до сихъ поръ живетъ самостоятельную религіозною жизнью и дорожитъ своею національностью, со-всѣмъ не понимаетъ интеллигентнаго русскаго человѣка, а этотъ послѣдній, ударившись въ невѣріе, въ нигилизмъ, въ свою оче-редь не понимаетъ русскаго народа. Своя своихъ не познаша! Кто же разъединилъ ихъ?

— Нѣмецъ!

Краснорѣчивыя цифры статистики обнаруживаютъ небывалый страшный приливъ въ Россію, въ послѣднее десятилѣтіе, изъ нѣ-метчины всякаго рода сброда и умственного пролетаріата, ажіотеровъ, шулеровъ, червонныхъ валетовъ, воровъ и тому подобныхъ худож-никовъ, въ томъ числѣ и іезуитовъ, которые во сто разъ хуже всякихъ воровъ. Воръ боится полиціи, а іезуитъ ничего не бо-ится; его дѣятельность почти неосвязаема, неуловима, она прикрыта благочестіемъ и желаніемъ блага всему человѣчеству. Іезуитъ не столько совершаетъ самъ, сколько внашиваетъ преступленія и дѣлаетъ ихъ нравственно-возможными для людской совѣсти, но рѣдко можетъ быть самъ юридически уличенъ въ явномъ дѣлѣ. Поскоблите нашихъ вожаковъ анархіи, — и вы въ нихъ найдете если не іезуита въ рясахъ, то уже непременно іезуита по убѣжденіямъ. Это застрѣльщики; команда идетъ изъ австрійской Галиціи и отъ послѣдователей германскаго социализма Фердинанда Лассаля, а возвращенная русская молодежь — это ихъ орудіе, которымъ они разрушаютъ у насъ православное христіанское общежитіе, сущ-ность христіанской нравственной доктрины. Этимъ страшнымъ орудіемъ вольной, развязной совѣсти и внутренняго освященія всякаго злаго дѣянія не владѣетъ ни одинъ преступникъ, если онъ не совращенъ въ іезуитизмъ, потому что послѣдній, совершая злые свои поступки, идетъ наперекоръ своей совѣсти или тому закону, который „на сердцахъ написанъ“.

Застрѣльщикова изъ нѣмцевъ наѣхало сюда число неслыханное, невозможное, невѣроятное. Ихъ видимо-невидимо во всѣхъ концахъ Россіи. Въ вышедшемъ на-дняхъ „Обзорѣ виѣшней торговли Россіи за 1880 г.“ находятся данныя о числѣ лицъ разныхъ національностей, прослѣдовавшихъ чрезъ нашу границу за послѣдніа десять лѣтъ (1871 — 1880 гг.) Изъ этихъ данныхъ оказывается слѣдующее, по отношенію къ германцамъ и австрійцамъ. Всего прибыло германцевъ 3.768,229, выѣхало 3.430,992, осталось въ Россіи 337,239, а австрійцевъ — прибыло 1.330,051, выѣхало 1.052,432, осталось въ Россіи 277,619. Такимъ образомъ, за десять лѣтъ поселилось въ Россіи германцевъ и австрійцевъ 613.000. Это только за десять лѣтъ; прибавьте за предъидущія десять лѣтъ немного болѣе половины этого числа,—и у васъ окажется цѣлый милліонъ нѣмцевъ, которые расползлись по нашимъ городамъ, селамъ и весямъ, какъ тараканы.

Не менѣе любопытна и статистика движенія русскихъ, преимущественно, конечно, достаточныхъ классовъ общества, за границу. Въ теченіе 10 лѣтъ (1871 — 1880 гг.) выѣхало за границу лицъ русскаго происхожденія 2.844,178, а возвратилось 2,457,662, осталось тамъ на житье 386,516. Если только половину этого числа переселенцевъ принять на предъидущее десятилѣтіе, то эмиграція русскихъ за границу выразится въ полумилліонѣ человекъ.

Развѣ изъ всей этой колоссальной арміи нѣмцевъ и онѣмеченныхъ русскихъ не найдется хотя только 5%, которые заносятъ къ намъ съ Запада превратное направленіе мысли и жизни? Развѣ эта малая часть не составляетъ уже численность въ 75,000 проповѣдниковъ невѣрія, въ то время, когда число русскихъ священниковъ въ Россіи всего 35,000? Развѣ русское образованное общество не явило въ глазахъ у всѣхъ способность съ особенною легкостью приносить оттуда все дурное? Развѣ изъ жалкой подражательности иноземному безумію оно не старалось заглушить, по-

давить и осмѣять всё высшія идеальныя стремленія русской натуры и дать полный просторъ низшимъ, чувственнымъ поползновеніямъ? Развѣ внутрь его не проникъ іезуитизмъ и нѣмецкій социализмъ, когда всё нехристіанскія средства оказались дозволенными, а совѣсть на всякое нехристіанское дѣло развязанною? Развѣ черезъ него, капля за каплю, не проникаетъ ядъ нѣмецкихъ вредныхъ ученій крайняго матеріализма въ самую сердцевину необразованнаго русскаго общества?..

— Сторонись русскій народъ: нѣмецъ идетъ!

— Пролазь и интриганъ?

— Тотъ самый.

III.

НѢМЕЦЪ ПРИШЕЛЪ.

У насъ теперь въ большой модѣ слова «народность» и «цивилизация». Что же они означаютъ и какое имѣютъ государственное и общественное значеніе?

Народность есть необходимое орудіе для бытія цивилизаціи. Живя въ народѣ и связанный съ народною жизнью, человѣкъ отрѣшается отъ личныхъ интересовъ и нуждъ, живетъ общею народною жизнью. Все высокое въ человѣкѣ вытекаетъ изъ стремленія служить народу, жить его интересами. Но, съ другой стороны, и народность живетъ только дарами своихъ даровитыхъ людей или вліяніемъ оригинальныхъ изобрѣтательныхъ умовъ перваго порядка, отъ которыхъ зависитъ умственная жизнь народа. Руководящія идеи этихъ умовъ могутъ быть логическія и нравственныя, изъ которыхъ только послѣднія представляютъ основу цивилизаціи, безъ которой невозможна никакая плодотворная умственная жизнь, спасающая общество отъ погруженія въ чувственность.

За отсутствіемъ прочно выработаннаго до сихъ поръ у насъ философскаго, политическаго и религіознаго направленія, потерявъ свѣтлую пору идеализма и руководящія логическія и нравственныя идеи нашихъ великихъ мыслителей и поэтовъ, мы сдѣлались нынѣ мишенью, куда направляются удары проповѣдниковъ

нѣмецкаго социализма, взявшихъ на себя роль нашихъ руководителей. Между тѣмъ, цивилизація современной Германіи находится тамъ въ критическомъ положеніи. Бисмарскія идеи, какъ живой продуктъ наполеоновскихъ идей, представляютъ не что иное, какъ утилитарный реализмъ, отнимающій личность, духовную свободу, самобытность; и это-то именно направленіе, противное вѣрованіямъ русскаго народа, готово обосноваться въ Россіи.

Странное и поразительное явленіе. Послѣ 19 вѣковъ христіанской культуры, передовая страна Европы, Германія, сближается и принимаетъ древне-восточное міровоззрѣніе въ его послѣдней формѣ—въ формѣ распространеннѣйшей въ Азіи буддійской религіи. Религія Конфуція построена на началахъ рѣзко реалистическихъ, даже откровенно материалистическихъ. Нѣмецкій социализмъ, отождествляясь съ буддизмомъ, становится двигателемъ народныхъ страстей и источникомъ общественной опасности. Это болѣзненное, пессимистическое направленіе въ современной нѣмецкой философіи занесено въ Россію и породило ту смуту умовъ, которой мы нынѣ свидѣтели.

Между тѣмъ, можетъ ли быть что нибудь общаго между христіанскимъ оптимизмомъ и нѣмецкимъ пессимизмомъ? Христіанскій оптимизмъ—это глубокое вѣрованіе въ міроуправленіе Промысла, смотрящее на жизнь, какъ на высочайшее благо, съ отрадною вѣрой въ ея безконечность; а для нѣмецкаго социалистическаго пессимизма или, что то же, буддизма жизнь есть только борьба и страданіе и идеаль полнѣйшаго самоисчезновенія. Несмотря на эти деаметрально противоположныя воззрѣнія, несмотря на то, что Россія представляетъ собою организмъ молодой, не остарѣвшій, у насъ обнаружился недугъ старческой, какъ только мы вздумали подражать нѣмецкой культурѣ.

Какимъ образомъ нѣмецкій социализмъ, который ведетъ къ полной разнузданности мысли и воли, перешелъ къ намъ въ Россію?

Постараемся, въ краткомъ изложеніи, основываясь на серьезныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, указать на переходныя звѣнья, близившія европейское возрѣніе съ восточнымъ, и какимъ образомъ Германія, послѣ 19 вѣковъ господства европейской культуры, основанной на библейско-евангельскомъ идеализмѣ, возвращается къ первобытнымъ идеямъ.

Оппозиція библейско-евангельскому идеализму явилась въ XVII вѣкѣ, рядомъ съ охладѣвшимъ религіознымъ движеніемъ реформаціи, въ Голландіи и Англіи, въ лицѣ Спинозы и Гоббеса. Эти два лица сдѣлались родоначальниками двухъ потоковъ умственной жизни Европы, изъ коихъ одинъ, натуралистическій, развивался во Франціи, а другой постепенно овладѣвалъ нѣмецкою мыслью. Французскій натурализмъ, въ лицѣ Сень-Симона и Анфантена, открыто примкнулъ къ древне-чувственному натурализму. Вотъ что сказалъ Сень-Симонъ въ своемъ „Новомъ христіанствѣ“: „Употребляйте чувственныя идеи, комбинируя ихъ такимъ образомъ, чтобы доставить людямъ наибольшую долю счастья въ земной жизни, — вы установите истинное христіанство“.

Смутно сознавая, что утилитарная мораль не въ состояніи поддержать общество, Сень-Симонъ призналъ полезнымъ прикрыться христіанствомъ, чтобы подъ его знаменемъ провести свое лжеученіе. Но это поцѣлуй Іудинъ! Можетъ ли быть что нибудь общаго между христіанствомъ и ученіемъ этого родоначальника современнаго социализма и позитивизма?

Христось цѣлью жизни ставитъ нравственное совершенство, а у Сень-Симона цѣль жизни — наслажденіе. Христось хочетъ оторвать людей отъ матеріальныхъ наслажденій, ввести ихъ въ царство духа изъ царства плоти, а Сень-Симонъ самую религію обращаетъ въ служительницу матеріальныхъ интересовъ. Сень-Симонъ думалъ создать особую промышленную цивилизацію, увѣряя, что Христось цѣлью своей проповѣди ставилъ увеличеніе благосостоянія народной массы, тогда какъ евангеліе проповѣдуетъ

нравственное возвышеніе человѣка. Христось требоваль, чтобы богатые помогали бѣднымъ не потому, какъ думаль Сень-Симонъ и его послѣдователи, чтобы увеличить наслажденія бѣдныхъ, но чтобы наслажденіе богатствомъ не дѣлало человѣка эгоистомъ. закрывая для него возможность моральной жизни.

Слѣдовательно, основныя тенденціи сень-симонизма и основныя тенденціи христіанства составляютъ буквальную противоположность.

Таковъ соціалистическій идеаль Сень-Симона. Остается сконцентрировать основной, позитивный его идеаль: „Удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей, по возможности всѣхъ, должно составлять высшую цѣль цивилизаціи. Это удовлетвореніе матеріальныхъ интересовъ легко достигается, когда управленіе этими интересами будетъ отдано въ руки промышленниковъ, какъ самыхъ способныхъ администраторовъ“.

Подумаешь, какъ эти мысли схожи съ тѣми, которыя мы слышали отъ нашихъ нѣмецкихъ группъ финансистовъ и дипломатовъ, съ такъ называемою русскою либеральною прессою вкупѣ. Насквозь пропитанныя идеями матеріализма, они не хотѣли понять одного,—что государство поддерживается не промышленниками, этими трутнями цивилизаціи, грубые и животные инстинкты которыхъ не сдерживаются никакими идеальными мотивами, развивая въ ужасныхъ размѣрахъ хищничество, а тѣмъ идеальнымъ меньшинствомъ, которое живетъ идеальною жизнью и даетъ возможность жить религіозною жизнью и остальной массѣ; иначе разрушеніе цивилизаціи дѣлается очевиднымъ.

Послѣдователь Сень-Симона, Анфантенъ, посреди глубокаго скандала христіанской Европы, сталь открыто проповѣдывать „возстановленіе плоти“ и совершенно восточный культъ бога плоти. „Возстановленіе плоти, говоритъ Анфантенъ: — не можетъ имѣть мѣста до тѣхъ поръ, пока новая религіозная конвенція не введеть въ самый провиденціальныи порядокъ, въ Бога, этого элемента или эту форму (чувственнаго) существованія, униженную христіан-

скимъ неодобреніемъ“. Въ этихъ словахъ древне-восточное міровоззрѣніе сказалось до очевидности ясно.

И такъ, отечествомъ, первоначальною колыбелью социалистическихъ ученій была Франція. Натура французовъ, подвижная и неутомимая, не могла удовлетвориться и надолго довольствоваться даннымъ положеніемъ, каково бы оно ни было, легко увлеклась мыслью и быстро поддавалась желанію въ передѣлѣ и переустройствѣ даннаго положенія найти нѣчто лучшее, которое и предлагали ей утописты, въ родѣ Сень-Симона, Анфантена и ихъ послѣдователей: Руссо, Фурье, Прудона, Луи-Блана. Во Франціи злыми чувствамъ, которыя порождаютъ социалистическія теоріи, не могли давать мѣсто естественныя богатства природы, плодородіе почвы, болѣе равномерное и справедливое распредѣленіе благъ жизни между различными общественными слоями и медленное возрастаніе народонаселенія. Поэтому социалистическое броженіе умовъ тамъ ослабѣло, въ особенности съ паденіемъ Наполеона, а съ нимъ вмѣстѣ и его реалистическихъ идей.

Совершивъ циклъ своего развитія во Франціи, социалистическое броженіе умовъ перешло въ Германію, гдѣ оно сразу обнаруживаетъ себя во всей заносчивости. Зачинателями социалистическаго движенія были евреи: Марксъ и Лассаль. Первый, однако же, не былъ революціоннымъ агитаторомъ, тогда какъ Лассаль, съ 1862 года, всецѣло отдается дѣлу популяризованія социалистическихъ идей почерпнутыхъ у Прудона и Луи-Блана, и создаетъ политическую партію, которая питала увѣренность, что ученію и дѣятельности Лассаля суждено преобразовать социальный міръ. Заносчивость Лассаля доходила до того, что онъ имѣлъ смѣлость выдавать свою критику за „абсолютный приговоръ науки, противъ котораго нѣтъ ни возраженія, ни аппеляціи“! „И другъ и недругъ скажетъ вамъ, восклицаетъ онъ:—что во всякой строкѣ, которую я пишу, я являюсь вооруженнымъ всѣмъ образованіемъ настоящаго столѣтія“. Его идеаль не идетъ дальше животной

сытости. Die sociale Frage ist eine Magenfrage. Въ социализмѣ Лассаль инстинктъ выше разума, сила выше справедливости. Въ этомъ пунктѣ онъ совершенно сошелся съ бисмарковскими идеями. В 1864 г. Лассаль былъ убитъ на дуэли. Партія его скоро распалась, но многіе изъ его послѣдователей перешли къ болѣе радикальному направленію и дошли до обвиненія другъ друга въ „мошенничествѣ“.

Нѣмецкій мыслитель Шопенгауеръ, основатель пессимистической системы, дѣлая логическій выводъ изъ посылокъ матеріализма, доходитъ до убѣжденія, что настоящій міръ есть худшій изъ возможныхъ. Онъ ставитъ свою систему въ связь съ ученіемъ Платона, перваго утописта древняго міра, котораго философія подкапывала Слово Божіе и смѣшивалась съ догматами вѣры Авраама.

Шопенгауеръ свой основной принципъ называетъ не Богомъ а „волей“, утверждая, что „наше тѣло есть лишь результатъ нашей воли“. Эта бессознательная воля, принципъ міра, живетъ где не управляемая никакою цѣлью. „Міръ, говоритъ Шопенгауеръ, совсѣмъ, что въ немъ есть, нужно разсматривать какъ бессильную и посему непонятную игру вѣчной необходимости, безмысленнаго и неумолимаго рока“. Въ этой бессознательной и безцѣльно дѣйствующей волѣ, Шопенгауеръ подмѣтилъ лишь одну страсть,—это страсть къ жизни. Съ удивительною послѣдствительностью, Шопенгауеръ безбоязненно прилагаетъ начала животной жизни и къ человѣку. „Чувственная любовь, говоритъ онъ, — есть послѣдняя цѣль почти cadaго человѣческаго стремленія. Любовь двухъ лицъ, мужскаго и женскаго пола, есть результатъ не ихъ индивидуальныхъ наклонностей, но дѣйствія міровой воли, заботящейся о поддержаніи рода, и употребляющей любовь, какъ средство для выполненія этой задачи“. Цинизмъ этихъ словъ будетъ совершенно понятенъ, если прибавить, что

Шопенгауеръ мечталъ о гаремахъ для ученыхъ людей и о введеніи многоженства.

Философія Шопенгауера не примѣтила бездѣлицы, что удѣлъ безцѣльнаго существованія скука и тоска, что на днѣ всякаго чувственнаго наслажденія остается горькій осадокъ, и постоянство чувственнаго наслажденія нельзя купить, какъ это доказалъ Неронъ, даже насчетъ богатствъ цѣлаго міра. Шопенгауеръ силится доказать, что его пессимистическая мораль не эгоистична; между тѣмъ, она, какъ и весь буддизмъ, есть чистое, послѣдовательное развитіе эгоизма. Всѣ его взгляды на религію, въ сущности — разсужденія на тему Вольтера: „si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventait“; тему, которая одна уже доказываетъ всю беспомощность нѣмецкаго социализма передъ самымъ существеннымъ вопросомъ человѣческой жизни. Все сводится у него къ тому, что въ религіозномъ отношеніи нужно оставить *statu quo*, предоставивъ только ученымъ, какъ въ Индіи жрецамъ, разсуждать про себя объ истинной сущности вещей. Любопытно замѣтить, что нѣмецкіе социалисты, вполне сознавая, что ихъ метафизика есть ядъ, съ которымъ можно познакомить лишь немногихъ, популяризировали, однако же, свои мнѣнія въ средѣ не только интеллигентнаго класса, но и рабочихъ; ихъ буддійское міровоззрѣніе даетъ горькій и наглядный урокъ тѣмъ, которые внѣ христіанства ищутъ основъ для обновленія духовной жизни человѣчества, а мертвый сонъ Китая и Индіи наглядно показываетъ результатъ этихъ древне-восточныхъ міровоззрѣній.

Въ послѣднее время въ Германіи и у насъ получило преобладающее значеніе ученіе, пытающееся свести всѣ духовные процессы на физическія причины, ихъ будто бы обусловливаюція. Таково ученіе Дарвина—теорія естественнаго преобразования. Современный дарвинизмъ (эволюціонизмъ) есть послѣдовательное, весьма остроумное и глубокое развитіе матеріализма, опирающееся, повидимому, на факты естествознанія. Дарвинъ приложилъ эту теорію

къ челоуѣку, но въ общихъ чертахъ; а Спенсеръ расширилъ ее до всеобъемлющаго міроваго значенія, приложимой къ челоуѣческой культурѣ.

Теорія дарвинизма провозглашаетъ систему, признающую всеобщимъ закономъ уничтоженіе слабыхъ сильными и въ побѣдѣ видящую единственной критерій правомѣрности. Съ философскими основаніями дарвинизма бытіе права и нравственности несовмѣстимы. Отношеніе лицъ въ обществѣ и государствѣ, съ этой точки зрѣнія, не могутъ быть регулируемы, ибо всякое насиліе есть лишь естественное проявленіе права. Законъ такимъ образомъ есть лишь защита насилія, возведенные въ систему, а судъ совершеніе насилія чрезъ агентовъ власти. Нравственность этою системою вырывается съ корнемъ, какъ ненужная ветошь. Отнимая у челоуѣка нравственные идеалы, теорія дарвинизма оставшееся мѣсто наполняетъ злобой и ненавистью. Исторія низводится до *борьбы интересовъ*. Этою теоріею, какъ мы видѣли изъ статьи въ „Nouvelle Revue“, заражена, германская, а съ нею вмѣстѣ и наша онѣмеченная дипломатія и бюрократія. Но они забываютъ одно, что въ отношеніи государственнаго устройства лжеученіе дарвинизма провозглашаетъ анархію и, провозглашая силу правомъ, всякій порядокъ объявляетъ законнымъ до его ниспроверженія.

Нашъ нигилизмъ есть вырождокъ пессимистической системы, слившейся въ одно цѣлое крайніе выводы французскаго натурализма и нѣмецкаго социализма, съ прибавкою отвратительныхъ лжеученій, которыя нашли себѣ выраженіе въ іезуитскомъ катихизисѣ. Популяризація въ разныхъ формахъ этихъ лжеученій была задачею, которую не безъ успѣха выполняла наша революционная рать, не находя себѣ дѣятельнаго отпора.

Какъ ни странно кажется съ перваго взгляда найти способъ къ соглашенію между нѣмецкими социалистами, которые проповѣдывали атеизмъ, ниспроверженіе правительства, церкви и всякаго авторитета, и между католицизмомъ, желающимъ утвердить авто-

ритеть въ рукахъ епископовъ и папы, но іезуиты нашли этотъ способъ. Католическая церковь издавна отличалась стремленіемъ вмѣшиваться во всѣ политическія и общественныя движенія, захватывать въ свои руки политическія и соціальныя страсти, дабы имѣть возможность двигать ими по своему усмотрѣнію и направлять ихъ въ ту сторону, которая благопріятствуетъ болѣе ея цѣлямъ.

Еще въ 1863 году, на конгрессѣ ученыхъ католиковъ въ Мюнхенѣ, извѣстный проповѣдникъ Дѣллингеръ сдѣлалъ предложеніе о необходимости и благовременности приступить къ рѣшенію соціальныхъ вопросовъ и съ этою цѣлью организовать католическія ассоціаціи. Какъ его мнѣніе, такъ и майнцаго архіепископа Кеттлера, во многомъ сходились съ воззрѣніями на соціальныя вопросы евреевъ Маркса и Лассаля, изъ которыхъ послѣднему Кеттлеръ публично выразилъ свое одобреніе и сочувствіе.

Вообще католическое духовенство, въ пресловутой „культурной борьбѣ“, рѣшительно подало руку нѣмецкимъ социалистамъ. Выработана была цѣлая программа реформъ въ католическо-соціалистическомъ духѣ, и экономически-религіозные принципы, изложенные въ сочиненіяхъ майнцаго каноника Муфанга, легли въ основу этой программы. Въ сущности, это были доктрины Маркса и Лассаля, но покрытыя слегка католическимъ лакомъ. Передѣвшись въ социалистовъ, іезуиты успѣли приобрѣсти къ себѣ расположеніе низшихъ классовъ населенія, которымъ они внушали, что во всѣхъ ихъ бѣдствіяхъ виноваты высшіе и имущественные классы населенія. Идеи Кеттлера и Муфанга пали не на бесплодную почву и разрослись въ цѣлое дерево соціалистическаго движенія. Подъ ихъ вліяніемъ учреждены ассоціаціи съ двухцвѣтнымъ знаменемъ, католицизма и социализма. Первое собраніе этихъ christlich-sociale ассоціацій было въ іюнь 1868 года, въ Крефельдѣ, а въ собраніи 1869 года учреждена была

постоянная коммиссія, имѣвшая задачей содѣйствовать образованію христіанскихъ соціалистическихъ ассоціацій. Въ составъ коммисіи вошли: одинъ викарій, одинъ профессоръ и одинъ баронъ. Въ обнародованныхъ принципахъ, легшихъ въ основаніе соціально-католическихъ ассоціацій, значителенъ, между прочимъ, и то, чтобы всѣ живыя силы народа соединились въ одну общую федерацію подчиненную папѣ, и такимъ образомъ создано бы государство въ государствѣ. Когда наступитъ часъ, говорили они, глава католической церкви призоветъ потребныхъ служителей, которымъ вручить великое дѣло соціальной революціи. На папѣ должна почивать надежда окончательнаго рѣшенія соціальныхъ вопросовъ и окончательнаго улаженія соціальныхъ затрудненій. Какъ ветхозавѣтные пророки, среди страданій, претерпѣваемыхъ народомъ Божиимъ, обращали его взоръ къ грядущимъ временамъ, когда утвердится на землѣ царство Мессіи, такъ и католическо-соціалистическіе проповѣдники стараются обратить взоры страдающихъ классовъ къ папѣ, который-де одинъ утвердитъ на землѣ царство, гдѣ не будутъ имѣть мѣста соціальныя язвы, терзающія нынѣ общество.

Отсюда видно, что работа іезуитовъ въ Германіи и цѣль ихъ союза съ нѣмецкими соціалистами заключается въ томъ, чтобы выхватить изъ рукъ демократовъ возжи, вручить ихъ представителямъ католицизма и все движеніе подчинить цѣлямъ и указаніямъ римской курии.

Какую же роль въ этомъ преступномъ дѣлѣ игралъ папа? Пій IX, оскорбленный и раздраженный состояніемъ политическихъ дѣлъ, не скрывалъ своей вражды къ устройству современнаго общества и своего сочувствія всему, что стремится разрушить современный строй и низвергнуть его въ хаосъ. Его іезуитское воинство, утвердившись при Наполеонѣ во Франціи, начало свою преступную работу сначала въ русской Польшѣ, затѣмъ въ Германіи, а оттуда уже бросилось нынѣ въ Россію. Въ

угрожающемъ движеніи социализма Пій IX видѣлъ достойное возмездіе тѣмъ государствамъ, которыя устраивали гибель папству. Съ загадочнымъ выраженіемъ въ лицѣ не разъ говорилъ онъ о «камешкѣ», который ударить гордаго и кичливаго колосса въ ноги и прахъ его развѣетъ по лицу земли. Во все время изъ устъ Пія IX не проронилось ни одного слова противъ социализма.

Наконецъ, германское образованное общество и здравомыслящая пресса опомнились и ясно увидѣли подвохи іезуитовъ, желавшихъ создать союзъ красной интернаціоналки съ черною и дать возможность падающему папству искать опору въ нарождающемся социализмѣ. Начались заявленія о томъ, что всего болѣе слѣдуетъ быть насторожѣ къ подходамъ интригановъ въ черной рясѣ, старающихся установить „попократию“. Въ свою очередь, католическіе социальныя журналы открыли убійственный огонь на всѣхъ пунктахъ противъ демократовъ.

Такимъ образомъ, въ 1878 году, послѣдовалъ разрывъ между социалистами-демократами и социалистами-католиками. Нѣкоторое содѣйствіе въ этомъ отношеніи оказалъ новый папа, когда социализмъ къ этому времени, злодѣйскими покушеніями, успѣлъ обнаружить свою гнусную и отвратительную сущность. Имѣть съ нимъ какую-либо связь—значить прямо компрометировать себя. Молчать объ отношеніяхъ католицизма къ социализму болѣе уже нельзя было. И вотъ, въ концѣ 1878 года, обнаружена была папская энциклика, которая есть не иное что, какъ самооправданіе человѣка, подозрѣваемаго и уличаемаго если не въ открытомъ сообщничествѣ, то въ соумышленничествѣ съ злоумышленниками. Темою для энциклики служили слѣдующія слова: „Между ученіемъ социалистовъ и сладчайшимъ ученіемъ Христовымъ существуетъ величайшее различіе, ибо что можетъ быть общаго между справедливостью и несправедливостью, между свѣтомъ и мракомъ“ *).

---

*) См. Соціал. движ. въ Германіи. «Пра . 6.» .

Любопытно, однако же, одно,—что этою энцикликою и ограничили отношенія папства къ современной язвѣ. Въ виду пожара угрожающаго распространиться на далекое пространство, еще не велика заслуга человѣка сказать, что онъ не могъ быть вмѣстѣ съ поджигателями!

Съ этого времени, іезуитское воинство, потерявшее уже всякій кредитъ въ Германіи и оцѣненное по достоинству во Франціи, гдѣ оно, при Наполеонѣ, захватило себѣ исключительное вліяніе на умы и нравы, было официально изгнано изъ Франціи, а Германія не скупилась ни паспортами, не рекомендаціями, ни даже пособіями, для выпроваживанія его въ Россію, вмѣстѣ съ своими социалистами. У насъ вся эта смѣсь безпокойнаго элемента находила себѣ полнѣйшее приволье, въ средѣ нѣмцевъ, прочно утвердившихся во всевозможныхъ русскихъ общественныхъ предпріятіяхъ. Замѣчательно, однако же, что прибывшіе въ Россію на жительство изъ Германіи и изъ Австріи, за послѣднія 20 лѣтъ, въ числѣ болѣе одного милліона человѣкъ, всего менѣе селились въ Остзейскомъ краѣ, гдѣ, казалось бы, имъ было всего удобнѣе размѣститься между единоплеменниками; поэтому въ прибалтійскихъ губерніяхъ и не было никакихъ слѣдовъ социалистической пропаганды, направленной въ Россію изъ Германіи. Вся эта масса хлынула въ самые центральные пункты внутренней Россіи, забирая, прежде всего, въ свои руки наиболѣе производительные предметы народнаго хозяйства, и поставляя такимъ образомъ въ зависимость къ себѣ всѣ отрасли народнаго труда. Въ числѣ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ, наѣхала въ Россію масса евреевъ, связывающихъ на ряду съ нѣмцами наше общественное броженіе съ иноземными центрами всемірной революціи, съ интернаціональными и космополитическими ея органами. Извѣстно, что евреи нынѣ выступаютъ вездѣ, въ Западной Европѣ, въ первостепенныхъ роляхъ, какъ политической дѣятельности вообще, такъ и революціонной.

По мѣрѣ того, какъ усиливалось это нашествіе нѣмцевъ, обще

ственное броженіе увеличивалось. Готовая уже почва для воспріятія матеріалистическихъ доктринъ и всякихъ лжеученій оказалась въ потрясенномъ общественномъ положеніи въ высшихъ классахъ общества, и преимущественно въ измѣненныхъ экономическихъ условіяхъ быта средняго общественнаго слоя. Потрясенія и перемѣщенія общественныхъ положеній всего болѣе отразились на молодежи женскаго пола и лицъ, неокончившихъ курса въ учебныхъ заведеніяхъ. Эта среда, образуя умственный пролетаріатъ, оказалась наиболѣе подходящею для пропаганды въ ней революціонныхъ идей, тѣмъ болѣе что всѣ лучшія мѣста на частной службѣ занимались нѣмцами, такъ что русскому элементу оставалось бросаться изъ стороны въ сторону и искать себѣ, за свой трудъ, хотя бы черствый кусокъ хлѣба. Къ этому разряду бѣдствующаго люда слѣдуетъ присоединить разночинцевъ или обрывковъ всѣхъ сословій—тоже разрядъ людей безъ всякихъ установившихся занятій и быта. Рядомъ съ нимъ является среда духовнаго сословія, изъ котораго оказывается масса людей безъ опредѣленнаго мѣста и занятій. Нравственные элементы раздраженія и недовольства оказываются здѣсь если не болѣе, то во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ въ остальной бродячей части населенія. Сюда же пристало и не имѣющее никакого бытоваго типа наше мѣщанство, отличающееся поголовною бѣдностью и вытѣсненное въ занятіяхъ выгодными ремеслами въ городахъ еврейскимъ и нѣмецкимъ элементомъ.

Въ это же время, вполне благонадежная и несомнѣнно компетентная общественная среда указывала на въ высшей степени важное и совершенно ненормальное явленіе: „Въ то время, какъ потаенная и запретная печать, минуя всякія препоны и заставы, выходила изъ всякихъ границъ своеволія и дерзости, фактически пользовалась безусловною свободою,—въ это самое время гласная и законная печать не имѣла даже законнаго права защищать противъ нее свои мысли и вѣрованія, не имѣла законнаго права даже на самооборону“. Далѣе авторъ этихъ мыслей въ Сборн. Гос.

Знан. говорить, что печать, эту самую страшную, самую могущественную человеческую силу, „забрали въ свои исключительныя руки, какъ свою привилегію, какъ свою монополію, заклятые враги общества, приверженцы самыхъ нелѣпыхъ и навѣжественныхъ политическихъ и соціальныхъ понятій“. Этою нравственною силою, по странному недоразумѣнію, дѣйствительно, за рѣдкими исключеніями, овладѣли враги государства и общества.

Мало того, заѣзжіе изъ Германіи и Австріи нѣмцы и евреи забрали въ свои руки, силою капитала или непосредственнымъ участіемъ въ редакціи или сотрудничествѣ, самыя вліятельныя или популярныя періодическія изданія.

Нужно ли говорить, что въ атмосферѣ идей, окружавшей политическія преступленія и вскормившей дѣятелей революціонной пропаганды, всего болѣе, сравнительно съ другими ученіями, выступали элементы нѣмецкаго социализма. Нѣмецкій социализмъ, логически бессмысленный, какъ мы видѣли, самъ по себѣ, на почвѣ мышленія, возможенъ на почвѣ чувствъ и страстей, столь воспріимчивыхъ въ развитой части общества, въ средѣ молодежи. Къ мечтаніямъ чисто социалистическаго или, лучше, коммунистическаго свойства, которыя въ нихъ господствуютъ и прямо заимствованы у нѣмецкой соціальной демократіи, примѣшиваются разные намеки на желаемыя политическія преобразованія по нѣмецкимъ образцамъ, безуставно поддерживаемыя печатью.

Но какъ бы то ни было, одна полицейская борьба съ такими духовными элементами немислима, она ведетъ къ неисчислимымъ зловреднымъ послѣдствіямъ, діаметрально противоположнымъ своей цѣли. Такъ у насъ и случилось. Она ускорила процессъ раздраженія чувствъ, ожесточая фанатизмъ страстей. Устрашеніе экстраординарными полицейскими мѣрами несостоятельно, когда оно призвано укротить людей, нафанатизированныхъ до безумія, находящихъ почти уладу въ налагаемыхъ на нихъ страданіяхъ,

даже въ смерти. (*) Между тѣмъ, бесплодная трата полицейскихъ силъ, которыя и безъ того оказывались у насъ недостаточными для исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, давала поводъ къ увеличенію повсемѣстно обыкновенныхъ преступленій, каковы: кражи, грабежи и разбои, даже цѣлыми шайками. Полицейская война съ нѣмецкимъ социализмомъ поглотила къ себѣ вниманіе и заботы правительства и прервала прогрессивное движеніе законодательства, которое нынѣ, благодаря Бога, при помощи истинно русскихъ людей, приняло обычный ходъ.

Вся эта полицейская война была, однако же, какъ разъ на руку чужеземнымъ вожакамъ анархіи. Въ ихъ расчетъ не могло не входить дѣйствительное поврежденіе государственнаго механизма, выведеннаго изъ законной и прогрессивной его колеи, посредствомъ задуманныхъ катастрофъ. Каждая такая катастрофа, производя панической страхъ, отвлекала правительство отъ текущихъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики, сосредоточивая его вниманіе на чрезвычайныхъ полицейскихъ мѣрахъ, къ тому же непріятныхъ мирнымъ гражданамъ. Направляя терроръ снизу и сверху, нѣмецкій социализмъ, какъ будто, захватывалъ въ свои руки инициативу политики государства...

А мы все еще ждемъ нашествія нѣмца! Нѣмецъ давно пришелъ, давно у насъ хозяйничаетъ. Нѣмецкій социализмъ уже совершенно охватилъ своимъ вліяніемъ всю русскую народную жизнь, какъ орудіе для насажденія у насъ нѣмецкой или, что то же, китайской цивилизаціи, за исключеніемъ, конечно, Прибалтійскаго края.

Не безъ основанія же, въ самомъ дѣлѣ, непримѣтно для неопытнаго глаза, улыбаются, обыкновенно, остзейскіе бароны, когда рѣчь идетъ о русскихъ нигилистахъ.

А берлинскіе интриганы хвастаются козырями въ этой мер-

---

*) См. Сбор. Гос. Зн.

*

зостной игрѣ, не забывая подѣ шумокѣ посылать своихъ шпионовъ для снятія плановъ съ русскихъ и французскихъ крѣпостей.
Чистые пролазы!

Отвѣтъ Остзейскому Барону.

Дорогой сотоварищъ!

Вы пишете о нѣмцахъ въ Россіи,—и я посвящаю свои досуги этому же вопросу; вы не любите „фразы, схемы, пустоты“, — я также врагъ праздномыслія и празднословія. Разница только въ томъ, что вы — кровный нѣмецъ, а я—кровный русскій; вы—реалистъ и послѣдователь буддизма, — я идеалистъ и христіанинъ; вы считаете себя въ правѣ съ полною отврвенностью защищать нѣмцевъ, огульно обвиняя русскихъ, я еще съ большею откровенностью считаю себя въ правѣ защищать русскихъ, обвиняя нѣмцевъ, а въ томъ числѣ еще безпощаднѣе ихъ русскихъ прозелитовъ,—но *du choc des opinions jaillit la verité*.

Теперь къ дѣлу.

Рѣчи генерала Скобелева, въ которыхъ вы замѣчаете, при всей ихъ откровенности, такъ много недостатковъ, возбудили цѣлую бурю въ нѣмецкой печати и отозвались какъ въ Россіи, такъ повсюду за границей. Мы привыкли читать объ этихъ рѣчахъ отзывы нѣмцевъ, напечатанные или по-нѣмецки, или по-французски, какъ это сдѣлалъ дипломатъ изъ нѣмцевъ въ „Nouvelle Revue“, но вы рѣшились писать по-русски, даже какъ увѣряете вы, „рискуя своею популярностью“.

Отважно съ вашей стороны, безъ всякаго сомнѣнія, но успокойтесь. Ничего нѣтъ непопулярнаго для нѣмцевъ защищать ихъ

въ газетѣ „Голосъ“, потому что, какъ заявляетъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ сама же эта газета, всѣ ея передовыя статьи, посвященныя защитѣ нѣмцевъ, были въ Берлинѣ „осыпаны похвалами“, не говоря уже о томъ, что хозяинъ „Голоса“ слишкомъ десять лѣтъ какъ находится въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ бисмаркскимъ оффиціознымъ учрежденіемъ. При такой обстановкѣ вы были въ Россіи, какъ у себя дома, между нѣмцами и русскими ихъ прозелитами, гдѣ всѣмъ вамъ, какъ вы утверждаете, „до сихъ поръ дышалось и жилось свободнѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ“. Но, скажу вашими же словами, пользуясь благомъ популярности, нельзя же пользоваться правомъ невмѣняемости въ дѣйствіяхъ общественнаго порядка. Поэтому-то я и рѣшаюсь войти съ вами въ переписку такого рода, что къ вамъ не разъ придется примѣнить мудрую русскую пословицу: „Любишь кататься, — люби и саночки возить“.

Вы начинаете съ того, что, обращаясь къ генералу Скобелеву, не безъ ироніи замѣчаете о его „скромности“. Вы не отвергаете того, что „слова его проникнуть во всѣ предѣлы Россіи“, не взирая на то, что, по вашему мнѣнію, рѣчи его—не болѣе, какъ „фразы, которыя, резюмируя коротко и просто сумму всѣхъ нашихъ бѣдствій, должны получить особенную силу“. Почему? — Потому что, говорите вы, „фраза даетъ простое объясненіе загадкѣ и сваливаетъ вину бѣдствій съ себя на другихъ“ и что она освобождаетъ русскихъ отъ „труда, наиболѣе имъ антипатичнаго, — отъ труда *мыслить*“.

При всей вашей скромности или уединенномъ самодовольствѣ, я не могу не упрекнуть васъ въ окольныхъ намекахъ, даже когда они такъ осязательны; я люблю прямо называть тѣхъ, кого вывожу на сцену. Обзывая русскихъ въ указанномъ выше мѣстѣ попросту глушцами, вы, въ другомъ мѣстѣ, когда вамъ нужно было на потѣху нѣмцамъ надорваться со смѣху надъ „московскими патріотами“, незадумались, называя ихъ „фанатиками“, противопоставить имъ типъ русскаго человѣка и сказали, что „русскіе,

вообще говоря, обладают въ высшей степени наблюдательностью и *здравымъ смысломъ*“. Вотъ тутъ и вѣрьте вамъ на слово.

Выпутывайтесь, впрочемъ, отсюда какъ вы знаете, мой дорогой сотоварищъ; это дѣло ваше, а не мое. Вольно же вамъ было обнаружить дурную привычку утверждать на однѣхъ строкахъ противное тому, что вы въ той же статьѣ сказали на другихъ строкахъ, какъ будто сзади васъ стоялъ іезуитъ и подсказывалъ вамъ мѣстами свои мудрствованія. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ вашей статьи, подъ названіемъ „Русскій нѣмецъ“.

Не знаешь, чему дивиться: тому ли, что вы утверждаете, что генераль Скобелевъ дошелъ до своихъ выводовъ, благодаря умѣнью „по-русски мыслить“ (а выше сказано, что сіи слова, по вашему мнѣнію, означаютъ); тому ли, что вы рѣшились, скрѣпя сердце и притаивъ дыханіе, сказать въ другомъ мѣстѣ, что генераль Скобелевъ—„безспорно умный человѣкъ“?

Утверждая въ одномъ мѣстѣ, что „замѣчательная смѣтливость русскихъ солдатъ давала вамъ отраду начальствовать надъ ними“, въ другомъ вы считаете ихъ настолько тупоумными, что, будто бы, рѣчи генерала Скобелева и газетныя статьи противъ нѣмцевъ могутъ поколебать „нравственный авторитетъ нѣмецкаго начальника, угрожая дисциплинѣ и духу арміи“. Отчего же до сихъ поръ этотъ авторитетъ не былъ поколебленъ, не взирая на то, что сплошь да рядомъ передъ фронтомъ кучка офицеровъ изъ нѣмцевъ говоритъ громко не по-русски, а по-нѣмецки, что еще не такъ давно считалось у насъ нѣмцевъ въ прапорщичьихъ чинахъ 20% всего числа офицеровъ, а въ генеральскихъ—70%, т. е. что нѣмецъ достигалъ генеральскаго чина въ $3\frac{1}{2}$ раза быстрѣе, нежели русскій, и что вообще нѣмецъ заполонилъ русскую армію. Нужно ли много ума-разума, чтобы солдату понять эту аномалію, тѣмъ болѣе что вы сами сознаете, что русскій солдатъ обладаетъ замѣчательною смѣтливостью. Какъ же такъ: то тупоумень, то смѣтливъ? Непонятно. Вы забываете одно,—русскій

солдаты очень хорошо знают, что въ числѣ его начальниковъ есть множество истинно-русскихъ людей, хотя и носящихъ иностранныхъ фамиліи.

Распинаясь въ увѣреніяхъ, что нѣмцы „очень любятъ русскій народъ, столь достойный любви“, и что они „предпочитаютъ новое отечество старому“, заносчивость ваша доходитъ до того, что вы, тутъ же не задумываетесь погрозить русскому народу на всякій случай, что если нѣмцы не будутъ пользоваться взаимностью въ этомъ отношеніи отъ русскихъ, то они увезутъ нажитые здѣтъ капиталы за границу, и что русскіе нѣмцы, „находящіеся на государственной службѣ, будутъ служить по долгу, а не по убѣжденію, какъ наемщики, а не какъ граждане“. Такъ и кажется, что когда вы начали писать эти строки, то іезуитствующій сзади васъ, передъ тѣмъ душилъ васъ въ своихъ объятіяхъ. Но вѣдь насильно милъ не будешь; слѣдовательно, чтобы пользоваться народною любовью, нужно умѣть ее заслужить. А могутъ ли нѣмцы и ихъ прозелиты изъ русскихъ, положи руку на сердце, сказать, что они заслуживаютъ эту любовь русскаго народа?

Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ.

Исторія Россіи говоритъ русскому народу иное. Вы сами не отрицаете, что „ненависть русскихъ къ нѣмцамъ“ существуетъ, хотя, по вашему мнѣнію, она „дѣланная и незаслуженная“.

Въ самомъ дѣлѣ, заслуженная эта ненависть или незаслуженная? Развѣ нѣмцы виноваты, спрашиваете вы, въ истинныхъ злобахъ дня? Развѣ нѣмцы виноваты въ народненіи нигилистовъ? Развѣ нѣмцы виноваты въ распространеніи лихоимства? Развѣ нѣмцы виноваты во вредѣ бюрократизма? Во всемъ этомъ виноваты, по вашему голословному мнѣнію, исключительно русскіе: а я доказываю рядомъ неоспоримыхъ фактовъ и доводовъ, что виноваты нѣмцы, но не одни, а купно съ ихъ русскими прозелитами.

Не нѣмцы ли въ самомъ дѣлѣ, начиная съ деспота Бирона до

графовъ Клейнмихеля и Бенкендорфа включительно, стремились къ захвату въ свои руки, такъ или иначе, государственной власти? Не указываетъ ли русская исторія, что нѣмецкія идеи и направленіе, которыми проникнута была дипломатія въ Россіи, при вліяніи нѣмцевъ на управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, привели нашу внѣшнюю политику въ зависимость отъ Германіи? Военная часть, руководимая въ нѣкоторыхъ отрасляхъ этого управленія нѣмцами и ихъ русскими прозелитами, была до того въ ихъ рукахъ надломлена и сбита съ пути, что Россія сильно поплатилась за это и въ крымскую кампанію, и немало въ послѣднюю восточную войну. Мы не будемъ уже вспоминать печальныхъ страницъ исторіи 12-го года.

Пойдемте далѣе. Идеи нѣмецкихъ соціалистовъ, при посредствѣ воспитателей и учителей изъ нѣмцевъ или ихъ русскихъ прозелитовъ, проникли у насъ въ семью и школу, стали приложимы ко всякому учрежденію, вѣрованію и отношенію; въ цѣломъ строѣ нашего общественнаго развитія идеи раціонализма, пропо-вѣдываемыя нѣмцами, породили упадокъ у насъ органовъ нравственнаго самосознанія: ослабѣли, затмились мысль и совѣсть. Нѣмецкая ложь начали у насъ въ послѣднее время принимать болѣе широкое развитіе, по мѣрѣ того, какъ ежегодно прибывали изъ за границы десятки тысячъ нѣмцевъ, и водворились въ послѣдніе 15 лѣтъ въ числѣ цѣлаго милліона человѣка въ средѣ русскаго общества.

Пропаганда лжи всѣхъ вашихъ Марксовъ, Ласалей, Шопенгауэровъ, ихъ-же легионъ, извратила всѣ здоровыя стремленія, подтачивая живыя силы русскаго общественнаго организма. Нѣмецкая ложь—продуктъ нѣмецкаго соціализма—отрицала вѣру, законъ, порядокъ, семейную, общественную и государственную жизнь; она проникла въ великое дѣло общественнаго воспитанія, въ разные роды общественной службы, въ науку, въ литературу; она возведена даже въ научный принципъ. Ученые нѣмцы въ Россіи съ

невозмутимою послѣдовательностью приводили въ исполненіе проектъ Сенъ-Симона — держать толпу въ страхѣ передъ наукою, и представляли собою какъ бы римскихъ авгуровъ.

Борьба русскихъ ученыхъ въ ихъ собственной странѣ за право существованія въ средѣ высшаго ученаго учрежденія, какова истинно бироновская наша академія наукъ, и монопольное господство въ ней узко-нѣмецкой партіи съ ея русскими прозелитами, которые систематически подбирали въ свой составъ новыхъ членовъ по образу и подобию старыхъ, — развѣ это могло быть на минуту терпимо въ какой либо странѣ? А мы терпѣли это нравственное и ученое иго болѣе полутора вѣка.

А что творили нѣмцы и ихъ русскіе прозелиты, хозяйничая у насъ тридцать лѣтъ въ области финансовъ, торговли и промышленности? Господство нѣмцевъ въ сферѣ финансовой довело дѣло до того, что у насъ во все это время металлическихъ денегъ, за исключеніемъ низкопробной размѣнной монеты, не было въ обращеніи; всѣ сдѣлки совершались на обезцѣненные бумажныя деньги. Всю тягость этихъ потерь, которыя нужно считать миллиардами, выносить на себѣ русскій народъ. Никто не сомнѣвается, что нѣмцу нельзя не любить такого неисчерпаемаго источника кормленія; но трудно понять претензіи ихъ на признательность народа, который они такъ немилосердно эксплуатировали.

Хроническое разстройство денежнаго рынка идетъ въ связи съ неправильными основаніями податнаго денежнаго обложенія, и для упорядоченія того и другаго до сихъ поръ наши нѣмецкіе финансисты въ теченіи 30 лѣтъ не могли выработать опредѣленной системы мѣръ. Примѣръ неслыханный въ другихъ государствахъ!

Далѣе. Банки появились у насъ внѣ всякой связи съ общимъ развитіемъ народнаго хозяйства, поэтому они и превратились въ органы спекулятивнаго характера, непроизводительно растрачивая

народныя сбереженія. Кстати сказать: банки наши такъ устроены, что, несмотря на число ихъ, достигшее 401, они ни разу не могли оказать самостоятельной помощи коммерческому кредиту, видимо опасаясь въ эпоху кризиса за свое собственное существованіе. Кредитъ у насъ служитъ преимущественно и постоянно спекуляціи нѣмецкихъ банкировъ, являясь хроническою причиною разстройства нашего товарнаго и денежнаго обращенія.

Желѣзныя дороги, съ которыми тѣсно связаны народно-хозяйственные интересы, держатся однимъ пособіемъ правительства, слѣдовательно на счетъ и страхъ народнаго труда, и въ тотъ моментъ, когда субсидированныя желѣзно-дорожныя предпріятія, эксплуатируемые нѣмцами или иноземцами, лишаются матеріальной поддержки правительства, самое существованіе ихъ оказывается болѣе чѣмъ сомнительнымъ.

Въ теченіе двадцати почти лѣтъ наши нѣмецкіе финансисты ни на шагъ не подвинула вопроса о правильной организаціи рынковъ и биржъ.

Свобода промышленности не даетъ благихъ результатовъ, потому что пользующіяся ею хозяйственные личности не имѣютъ возможности отстоять свои законные интересы противъ незаконныхъ поползновеній, которыя умудрились ввести въ практическую жизнь въ своихъ интересахъ нѣмцы.

Въ области фабричной и мануфактурной промышленности наши нѣмецкіе финансисты по прежнему поддерживаютъ безцѣльную борьбу между протекціонистами и приверженцами свободной торговли, вмѣсто того, чтобы создавать необходимыя условія, чтобы русская личность могла достигнуть цѣли собственными усиліями, собственною энергическою работою. Эти условія совсѣмъ не мудренны и понятны всякому студенту: обиліе капиталовъ предпринимательскихъ и дешевизна ссудныхъ; хорошія и въ достаточномъ числѣ рабочія руки; дешевое и легко провозимое къ мѣсту обработки сырье; выгодный сбытъ; энергія и знаніе предприни-

мателя. Между тѣмъ промышленники, точно такъ же какъ и другіе классы общества, тщетно ожидали отъ нашей финансовой администраціи точнаго анализа условій, препятствующихъ достиженію ими правомѣрныхъ и общепользныхъ цѣлей. Наши нѣмецкіе финансисты въ этомъ отношеніи шли какъ разъ наперекоръ общему духу реформъ прошедшаго царствованія. Освобожденіе крестьянъ, земское и сословное самоуправленіе — все предполагало самостоятельную и энергическую народную дѣятельность, а они стремились къ незамысловатой опеке надъ народнымъ хозяйствомъ, къ бесполезнымъ регламентаціямъ, къ правительственной помощи, въ родѣ субсидій, премій и казенныхъ заказовъ, а главное — къ дарованію привилегій и преимуществъ тѣмъ предпріятіямъ, въ которыхъ, такъ или иначе, принимали участіе нѣмцы или чужеземцы.

Послѣ всего вышеизложеннаго, едвали у васъ, мой дорогой сотоварищъ, хватить смѣлости, оставляя уже на этотъ разъ въ сторонѣ рискъ вашей популярности, сказать, что русскіе только сваливаютъ вину бѣдствій на нѣмцевъ и иноземцевъ, что это только безсодержательныя „фразы“, что „никакихъ доказательствъ въ пользу обвиненія нѣмцевъ нѣтъ, что оно имѣетъ всѣ характерныя признаки мѣа“ и что только на однихъ русскихъ должна лежать вся „нравственная отвѣтственность за общіе государственныя и народныя недочеты“. Въ видите, что я не щажу и русскихъ, конечно, только онѣмеченныхъ, но нѣтъ смысла обвинять во всемъ этомъ, какъ вы это дѣлаете, исключительно русскихъ. Кто же самъ себя врагъ?

Но, помимо всего этого, въ вашей статьѣ есть мѣста, поистинѣ неподобныя но той беззастѣнчивости, съ которою они сказаны. Вы говорите, что „вліяніе нѣмцевъ на высшую правительственную политику было ничтожно“. Ну, развѣ это не фокусъ? Развѣ это не натяжка!

Впрочемъ, вы одарены такою вѣрою въ непреложность своихъ

инѣнѣй, что не хотите знать самыхъ фактовъ; мало того, вы пренебрегаете даже поддержкою собственнаго авторитета и, какъ мы выше сказали, пишете каждую новую строку, не припоминая предъидущихъ. Какъ будто статью эту писали не вы одни, а мудрила надъ ней цѣлая группа остзейскихъ и прусскихъ нѣмцевъ съ іезуитами вкупѣ! Конечно, это не мое дѣло, а ваше. Но во всякомъ случаѣ самые искусные ваши извороты не въ состояніи будутъ ввести въ заблужденіе безпристрастнаго читателя. Путаница, которую вы стараетесь произвести, не можетъ въ настоящемъ случаѣ обмануть никого.

Вспомните, что вы говорили. Вы констатировали фактъ, что „исполнительную роль Государь Николай Павловичъ дѣйствительно съ предпочтеніемъ поручалъ нѣмцамъ, такъ что при немъ они часто занимали видныя мѣста“, что въ прошлое царствованіе „чисто-техническія отрасли“ (каковы: финансы, дипломатія, военное и морское дѣло, пути сообщенія, юстиція и т. д.) поручаемы были нѣмцамъ и что нѣмцы „добивались всѣми силами вліянія въ высшихъ сферахъ относительно вопросовъ, касающихся спеціально Прибалтійскихъ губерній“. Но вѣдь это вліяніе, котораго они добивались, не имѣло характера только положительныхъ дѣйствій въ пользу остзейскихъ нѣмцевъ, но въ то же время и отрицательныхъ, что касалось относительно чисто русскихъ интересовъ. Сколько бы вы ни увѣряли, что „наиболѣе вліятельные элементы, тормозившіе развитіе сферъ общественной жизни“, были не нѣмецкаго, а русскаго происхожденія,—никто: ни русскій, ни нѣмецъ—этому не повѣритъ. Факты у всѣхъ передъ глазами. Нужды нѣтъ, что мы не приводимъ здѣсь именъ,—*nomina sunt odiosa*,—но адресъ-календари и списки высшихъ чиновъ доказываютъ, что остзейское дворянство и заѣзжіе изъ Германіи нѣмцы стояли во главѣ важнѣйшихъ отраслей государственнаго управленія.

Кромѣ того, одинъ изъ вашихъ оппонентовъ справедливо замѣчаетъ, что въ придворной сферѣ, всегда вліятельной въ мо-

нархическомъ государствѣ, „число нѣмцевъ у насъ было весьма значительное“, что „духъ нашей дипломатіи и дипломатическихъ воззрѣній установленъ нѣмцами“, что послѣдніе „заполонили русскую армію“. Военная исторія говоритъ даже, что Ермоловъ въ штабѣ Барклая де-Толли „тщетно искалъ человѣка, понимающаго по-русски“. „Настала восточная война 1853—1856 годовъ, и на Дунаѣ въ арміи снова оказалось столько начальствующихъ нѣмцевъ, что появилась военная обличительная литература съ цѣлью противодѣйствія“.

Въ гражданской части, говоритъ далѣе вашъ оппонентъ, „масса должностей, весьма вліятельныхъ и важныхъ, была въ рукахъ у нѣмцевъ: были цѣлыя вѣдомства, гдѣ нѣмцы занимали всѣ выдающіяся мѣста и катались какъ сыръ въ маслѣ.“

Сами вы однако же, мой дорогой сотоварищъ, не отрицаете, что „въ какой бы сферѣ нѣмцы ни вращались, можно навѣрное сказать, что они, умѣющіе всюду втереться, втерлись въ личное знакомство, а можетъ быть и дружбу,“ что они въ русской арміи „возвышали нравственныя и боевыя ея достоинства“ и что, какъ моряки, нѣмцы были „организаторы и учителя“. Если вамъ порягъ на слово, то какъ же можно было бы достигнуть послѣдняго безъ вліянія нѣмцевъ на высшія правительственныя сферы? Далѣе вы говорите, что нѣмцы принесли „громадную пользу,“ какъ ученые, юристы, чиновники, какъ промышленники, купцы, врачи, учителя“. Никто не отрицаетъ пользы, приносимой вообще въ этихъ отрасляхъ всякимъ дѣятелемъ, будь онъ нѣмецъ или русскій, но чтобы принести „громадную“ пользу, нужно обладать большимъ вліяніемъ въ правительственныхъ сферахъ, и нѣмцы, безспорно, имъ у насъ обладали, находя себѣ здѣсь, повторяю, неисчерпаемый источникъ кормленія для своихъ соотечественниковъ.

Плоды долготѣнныхъ попеченій о Россіи нѣмецкой партіи, которую вы переряживаете въ русскіхъ патріотовъ и кутаєте въ

мишуру, представляютъ наличность слѣдующихъ результатовъ съ того времени, какъ мы наиболѣе стали дѣйствовать по указкамъ изъ Германіи, возвеличенной побѣдами, единственно, благодаря содѣйствію Россіи.

Застой въ государственной дѣятельности въ промежутокъ времени между польскимъ возстаніемъ и послѣднею войною и слѣдовательно искусственная задержка развитія начатыхъ преобразованій и естественнаго теченія общественной жизни по новому пути реформъ.

Реакціонное движеніе нѣмецкой партіи противъ реформъ и умственная безпомощность и почти полный абсентизмъ лучшихъ и истинно русскихъ людей знанія и опыта въ администраціи при встрѣчѣ съ каждою намѣченною реформой, и вообще нагроможденіе искусственныхъ препятствій на разныхъ поприщахъ ихъ умственной и общественной дѣятельности.

Интервалы роздыха въ преобразовательной работѣ порождали порывистый ходъ государственнаго организма, смущавшій умы общества. Въ этихъ интервалахъ оказались какъ-бы забытыми въ нашихъ вліятельныхъ нѣмецкихъ финансовыхъ сферахъ реформа денежнаго обращенія, податная и другихъ, непосредственно истекавшихъ изъ совершенно измѣнившихся условій государственнаго и народнаго быта.

Промышленная дѣятельность, оставшаяся неосвобожденною отъ старыхъ путей и регламентацій, не давала выхода для множества бродившихъ русскихъ общественныхъ элементовъ; между тѣмъ какъ широкое поприще открыто было для привилегированныхъ промышленныхъ предпріятій, желѣзнодорожныхъ, банковыхъ и другихъ компаній, въ которыхъ участвовали нѣмцы или иноземцы. Отсюда произошло въ русскихъ сферахъ накопленіе обломковъ прежнихъ званій, состояній и сословій, образовавшихъ собою матеріаль для революціонныхъ замысловъ.

Отсутствіе запасовъ народнаго продовольствія съ уничтоже-

нѣмъ продовольственныхъ магазиновъ, сдѣлалось повсемѣстно явленіемъ нормальнымъ; одно какое нибудь неблагопріятное обстоятельство можетъ поставить въ крайность обширныя мѣстности.

Русская частная и общественная дѣятельность и инициатива наталкивалась безпрестанно на неисчислимыя нѣмецко-бюрократическія регламентаціи, которыя оставили до сихъ поръ неразрѣшеннымъ вопросомъ объ отмѣнѣ паспортной системы, десятки лѣтъ какъ поставленной на очередь. Сами же вы принуждены были сказать, что „единственная страна, гдѣ бюрократизмъ сильно развитъ—это Пруссія“. Откуда-же, какъ не изъ Пруссіи, пришла къ намъ язва бюрократизмы?

Ненормальный ходъ нашего народнаго образованія, размножившій недоучекъ, которые внесли всего болѣе раздраженіе въ общество и его кризисъ. Полуголодная, полуногая русская молодая интеллигенція образовала своеобразный пролетаріатъ, съ огромными претензіями на всезнаніе и развитіе. Нигилизмъ былъ въ основѣ своей нѣмецкою педагогическою язвой, продуктъ нѣмецкаго социализма, проникнувшій въ школу и отразившійся административными высылками, процессами, тяжкими судебными приговорами, погубившими не одну тысячу русскихъ молодыхъ людей всѣхъ состояній.

Нѣмцы и ихъ русскіе прозелиты, преобладая десятки лѣтъ въ нашихъ школахъ, чему-же научили они русскую молодежь, нынѣ уже играющую роль отцевъ семействъ и подвизающуюся на разныхъ поприщахъ государственнаго и общественнаго служенія? Праздномыслію, равнодушію ко всякому дѣлу, занятію и труду, по привычкѣ разсуждать и заставлять разсуждать другихъ, порождая свободу преступнаго бездѣйствія и самодовольнаго резонерства; словомъ, язва нѣмецкаго социализма, заражая большинство интеллигентнаго класса русскаго общества, породила умственную анархію въ странѣ. Что въ данномъ случаѣ можетъ сдѣлать власть? Дѣятельность полиціи и суда возможна только въ отно-

шеніи къ „дѣянiямъ“, представляющимъ извѣстные осязательные признаки. По отношенію къ „идеямъ“, къ „направленіямъ“, про-никающимъ въ общество и печать, она невозможна. Самые вре-менные правила о печати и цензурѣ составлены были подъ влія-ніемъ реакціонныхъ идей, господствовавшихъ въ нѣмецкой партіи. Вопросъ о пересмотрѣ этихъ законовъ, поднятый двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, остался какъ бы забытымъ.

Острый антагонизмъ, водворившійся, вслѣдствіе дѣйствовавшей нѣмецкой бюрократической системы, между административными и земскими инстанціями, замедлившій устраненіе недостатковъ бюро-кратической и сословной организаціи посредствомъ развитія учре-жденій безусловнаго самоуправленія и подъ вліяніемъ этого направ-ленія забытый вопросъ о пересмотрѣ системы мѣстнаго управленія, поднятый нынѣ уже истинно русскими людьми.

Индифферентизмъ, упадокъ духа, апатія, постоянно возроста-шіе въ истинно русскихъ нравственно и политически-благонадеж-ныхъ общественныхъ сферахъ, которыя однѣ способны были дать отпоръ развивавшимся элементамъ смуты, подогрѣваемой нѣмец-кимъ социализмомъ.

Расхищеніе кассъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, свирѣпствовавшее наряду съ заразой революціон-ной пропаганды. Въ хищеніяхъ этихъ обвинялось не мало нѣм-цевъ или нѣмецкихъ евреевъ.

Лихоимство и казнокрадство, подъ лживымъ прикрытіемъ фор-мальной законности, достигшія, при участіи въ нихъ сплошь и рядомъ нѣмцевъ или нѣмецкихъ евреевъ, своего апогея во время послѣдней войны, не могли не разжигать элементовъ раздра-женія на общественной почвѣ, гдѣ производилась нѣмецкая или нѣмецко-еврейская революціонная агитація.

Упадокъ религіозной нравственности и развитіе грубыхъ плот-скихъ страстей въ ближайшемъ старшемъ поколѣніи, начитав-шемся лжеученій нѣмецкихъ социалистовъ, давали поводъ юнымъ

агитаторамъ злонамѣренно обзывать безнравственность „легальною“, дошедшею до кульминаціоннаго пункта, до безбожнаго и безнравственнаго права на политическія насиліе фракціи террористовъ.

Вотъ въ какія непроходимыя дебри завела насъ съ вами, дорогой сотоварищъ, бесѣда о нѣмцахъ въ Россіи. Tu l'a voulu, George Dandin, tu l'a voulu!

Вы увѣряете, что мы не можемъ избавиться отъ тлетворнаго вліянія нѣмецкой партіи съ ея русскими прозелитами, запутавшими Россію сѣтью, изъ которой „богатырь не можетъ выпутаться, въ ней борахтаясь и теряя лучшія силы“, что Россія, увѣряете вы: „не имѣетъ возможности довести дѣло до какого нибудь практическаго результата, напримѣръ, до изгнанія вреднаго племени или же до ограниченія его распространенія или его круга дѣятельности и что въ данномъ случаѣ ни того, ни другаго, ни третьяго сдѣлать нельзя“.

Освобожденіе Россіи отъ нѣмецкаго вліянія въ настоящее время дѣйствительно не легко, но оно совсѣмъ не трудно на будущее время. Единственное средство отъ такихъ злокачественныхъ общественныхъ недуговъ, какъ и отъ всякихъ нравственныхъ міазмовъ, есть слово. Печать — это могущественная власть, потому что она есть власть имѣющаго создаться будущаго надъ настоящимъ. Само собою собою разумѣется, что она только тогда плодотворна, когда не одностороння, когда политическія ея проповѣди не исходятъ изъ лгущихъ устъ и когда писатели, эти общественныя врачи, не будутъ сами недужны и заражены нравственною и антинаціоною проказой. А главное, было бы странно допустить, чтобы большое дѣло могло быть сдѣлано маленькими людьми, да при томъ еще такими, которые нестыдятся гласно заявлять о своей измѣнѣ православію и народности.

Въ заключеніе настоящаго письма къ вамъ, дорогой сотоварищъ, не могу выразить то чувство радости, съ которымъ я пишу эти строки. Невольно вспомнишь недавнее прошлое, когда говорить у

насъ противъ нѣмцевъ—значило, какъ вы еще теперь были увѣрены, возбуждать „опасность, угрожающую дисциплинѣ и духу нашей арміи“. Теперь же, въ короткое время, когда во главѣ государственнаго управленія поставлены истинно русскіе люди, все измѣнилось, и мы съ вами, не опасаясь цензурной кары, пишемъ статьи, гдѣ свободно обсуждаемъ самой коренной, животрепещущій вопросъ о нѣмцахъ, о которыхъ прежде и заикнуться не было возможности. Соединимъ же чувство радости и принесемъ дань благодарности высокому Виновнику этихъ перемѣнъ.

Преданный вамъ и т. д.

ІЕЗУИТЫ ВЪ РОССІИ.

Въ старину апостолы, которыхъ орденъ іезуитовъ посылалъ ощупывать Россію, соблазняли нашихъ царей разными титулами и надеждою, чрезъ покровительство папы, втереться въ общество просвѣщенныхъ державъ. На западѣ, въ XVI вѣкѣ, іезуиты рекомендовали себя правительствамъ, какъ безопасные обличители всякаго рода ересей; затѣмъ, они преобразовались въ снисходительнѣйшихъ духовниковъ, впускавшихъ въ царство небесное за самую низкую цѣну; но все это, наконецъ, надоѣло и опротивѣло. Во второй половинѣ XVI вѣка они водворяются въ Польшѣ; духовное властолюбіе іезуитовъ сочеталось съ властолюбіемъ политическимъ. Начинается совращеніе русскихъ князей, пановъ и шляхты въ латинство. Съ первой четверти XVII вѣка іезуиты перемѣняютъ тактику и провозглашаютъ начало народнаго самодержавія и законность царевѣдства. Ихъ наслѣдники, въ послѣднихъ годахъ XVIII вѣка и въ первой четверти XIX, когда боязнь ада и забота о спасеніи душъ уступила боязни революціи и заботѣ объ охраненіи безопасности царствующихъ династій, повели слѣдующія рѣчи въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ и Петербургѣ: «Вы боитесь революціи, и не безъ основанія: она васъ непремѣнно затопитъ, если вы не противопоставите ей надежнаго оплота; этотъ оплотъ—мы. Никто чище неохлащиваетъ народовъ. Мы знаемъ, чего вы хотите: вамъ нужны смиренные и сносливые подданные;

такихъ мы и поставимъ; вѣрьте намъ только воспитаніе юношества и спите спокойно». Графъ Местръ, руководитель ордена іезуитовъ въ Россіи, рекомендовалъ правительству іезуитское общество, какъ надежнѣйшую изъ тайныхъ полицій, испрашивая іезуитамъ права исправлять полицейскую службу. Іезуиты, въ качествѣ заклятыхъ враговъ революціи и неподкупныхъ стражей престоловъ, не рѣдко мелькали въ указахъ императора Павла и въ официальной перепискѣ нашихъ государственныхъ людей временъ Александра I. Въ это время тайнымъ агентомъ папы въ Россіи былъ повѣренный сардинскаго короля—графъ Іосифъ де-Местръ, писавшій, между прочимъ, русскому министру народнаго просвѣщенія, графу Разумовскому, слѣдующее: «Іезуиты—это сторожевые псы верховной власти; не мѣшайте имъ лаять на воровъ и будить васъ». Графъ Местръ, сопоставляя іезуитовъ съ гвардіею, пишетъ: «Ставить іезуитамъ въ упрекъ вмѣшательство ихъ въ дѣла политики. Развѣ не властенъ государь, если вздумаетъ поручить управление государствомъ офицерамъ своей гвардіи? Они, разумѣется, должны были бы исполнить его приказаніе. И за это впослѣдствіи начали бы ихъ уличать въ интригахъ и требовать упраздненія гвардіи? Это просто безуміе».

Далѣе, вотъ что предлагаетъ графъ Местръ русскому министру народнаго просвѣщенія: «На что вамъ наука? Наука творитъ людей сварливыхъ, самоувѣренныхъ порицателей правительствъ, поклонниковъ всякой новизны, презрительно относящихся* ко всякому авторитету и къ народнымъ догматамъ. Внушите добрѣйшему государю, что ему нужны только двоякаго рода люди: храбрые и честные *); остальное не нужно и придетъ само собою. (Точь въ точь, какъ говоритъ остзейскій баронъ въ Голосѣ, защищая нѣмцевъ). А вѣра? Къ чему толковать о вѣрѣ? Правда, іезуитское общество крѣпко стоитъ за свою вѣру, да вѣдь по отношенію къ

---

*) Deux espèces d'hommes: des gens braves et de braves gens.

догматамъ она почти тождественна съ вашею. Иезуиты уважають мѣстные законы, какъ слѣдуетъ. И такому обществу не довѣряють!» Въ заключеніе, графъ Местръ дошелъ въ обереганіи русскаго престола вотъ до чего: «Мы поставлены какъ громадныя альпійскія сосны, сдерживающія снѣжныя лавины; если вздумаютъ насъ вырвать съ корнемъ, въ одно мгновеніе,—все мелколѣсье будетъ занесено» *).

И все это принималъ къ свѣдѣнію русскій министръ народнаго просвѣщенія; но, по свидѣтельству самого графа Местра, императоръ Александръ I былъ предубежденъ противъ иезуитовъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ современныхъ ему государей. Тѣмъ не менѣе, въ высшихъ слояхъ петербургскаго общества все благопріятствовало иезуитамъ. Ближайшій совѣтникъ и другъ императора, министръ иностранныхъ исповѣданій, князь Голицынъ, находился также подъ вліяніемъ иезуитовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, князь Кочубей, херсонскій генераль-губернаторъ, герцогъ Ришелье, сибирскій — Пестель, рижскій—маркизь Паулуччи и московскій—графъ Раstopчинъ—были въ полномъ распоряженіи иезуитовъ.

---

*) Не имѣетъ ли эта угроза сходство съ тою, которою страшить Россію нынѣ остзейскій баронъ? Онъ говоритъ, что «если ненависть и недовѣріе къ нѣмцамъ, въ особенности къ пришлымъ изъ Германіи, будетъ продолжаться, то они пришлютъ намъ еще худшіе элементы и низкія натуры (чего уже хуже террористовъ!), которые ради наживы готовы претерпѣвать обиды и оскорбленія и постараются искупить поддѣльнымъ сочувствіемъ пороки не русскаго происхожденія. Нравственный уровень нѣмцевъ, живущихъ въ Россіи, понизится. Не въ меньшей мѣрѣ понизятся и нравственныя качества русскихъ». Графъ Местръ, убѣждалъ графа Разумовскаго тогда, конечно, секретно, съ глазу на глазъ, а остзейскій баронъ уже нынѣ не боится съ своими иезуитскими подвохами подходить открыто и печатать свои угрозы въ русской газетѣ беззащитности которой всѣмъ извѣстна.

Съ самаго начала своей революціи, Франція сдала Россіи олу эмигрантовъ, принятыхъ, по привычкѣ, въ семьяхъ высшаго дворянства съ распростертыми объятіями, въ качествѣ налѣбниковъ, гувернеровъ и учителей. Послѣдніе дали тонъ домашнему воспитанію нашихъ аристократическихъ сферъ, наложившую свою печать на цѣлыя поколѣнія. Почти въ одно время съ эмигрантами, обломки польской аристократіи, собравшіеся въ ѣсную группу около князя Чарторыжскаго, всплыли на поверхность и заняли видное мѣсто въ правительственныхъ сферахъ и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Такимъ образомъ почва была подготовлена для іезуитскаго сѣва; все тянуло одно къ другому, все сближалось естественно, даже безъ преднамѣренной тачки. Дѣти лучшихъ фамилій ломились въ іезуитскій пансіонъ, снованный въ Петербургѣ для русскихъ дворянъ. (Тогда іезуиты, зрывашіеся въ Россію были французскаго происхожденія; теперь мы видимъ у себя тѣхъ же іезуитовъ, но нѣмецкаго происхожденія, хотя задачи тѣхъ и другихъ однѣ и тѣ-же).

Когда іезуиты, торжественно обязавшіеся воздерживаться отъ всякой пропаганды между православными, начали совращать ихъ къ католическую вѣру, когда, въ глазахъ графа Растопчина, они обратили его жену и племянника князя Голицына, когда они ошли съ просьбою о передачѣ имъ симферопольской соборной православной церкви, когда они начали ходатайствовать объ обращеніи въ свою вѣру магометанъ, населяющихъ Россію, тогда только правительство одумалось и показало имъ путь навсегда въ Россію. Указъ Императора Александра I объ удаленіи ихъ изъ Петербурга послѣдовалъ въ 1815 году, а—о высылкѣ ихъ изъ Россіи въ 1820 году. Историкъ іезуитскаго ордена, Кретино-Коли, оканчиваетъ свое повѣствованіе объ удаленіи іезуитовъ изъ Россіи— слѣдующими словами: „Родъ Романовыхъ многимъ былъ обязанъ іезуитскому обществу. Нѣкоторые изъ членовъ его, юртивъ ихъ желанія, посвящены были Екатериною II и Пав-

ломъ въ разныя тайны, семейныя и государственныя, и все таки іезуиты допустили сына императора Павла удалитъ себя изъ Россіи; они спокойно побрели въ изгнаніе и не захотѣли прибѣгнуть къ мести, которая была бы для нихъ легка“.

Исторія іезуитовъ въ Россіи представляетъ поучительное явленіе. Царю московскому Ивану Грозному понадобилось имѣть дипломата, который бы склонилъ польскаго короля на миръ. Римскій первосвященникъ съ этою цѣлью отправилъ въ Москву апостола лойоловой школы, Антонія Поссевина, съ секретнымъ порученіемъ, подъ предлогомъ оказанія содѣйствія къ заключенію мира, накинуть на Россію петлю, посредствомъ которой можно бы было, впоследствии, притянуть ее къ подножію римской каеэдры. Поссевинъ обманулъ Грознаго и выдалъ его полякамъ, выторговавъ Польшѣ всю Ливонію. Такимъ образомъ, первая половина папской инструкціи была исполнена: на поприщѣ дипломатическомъ Россія была обманута и разбита; относительно второй половины онъ только узналъ отъ Ивана Грознаго, что „папа-волкъ“ и уѣхалъ, потерявъ всякую надежду на обращеніе царя.

Эта неудача для водворенія іезуитовъ въ Россіи отозвалась страшною местию папы и гибельными послѣдствіями въ дальнѣйшей судьбѣ всей западной половины Россіи. Съ того времени началось усиленное введеніе уніи, перечисленіе уніатовъ въ латинство, варварскія преслѣдованія епископовъ, священниковъ и простаго народа, вѣрнаго православію. Все это продолжалось въ теченіе двухъ вѣковъ, и въ этотъ періодъ времени іезуитская пропаганда, при помощи шляхетскихъ сабель, дожила едва ли не до крайнихъ предѣловъ успѣха. Язвы, нанесенныя ими Юго-Западному краю, до сихъ поръ еще не затянулись.

Черезъ 23 года, іезуиты являются въ свигѣ самозванца; но Россія, вмѣстѣ съ самозванцами, стряхиваетъ съ себя и іезуитовъ.

Въ концѣ XVII вѣка, говоритъ Ю. Ѡ. Самаринъ, іезуиты являются въ Россію передѣтыми, подъ покровительствомъ по-

словъ нѣмецкаго императора, и подслуживались иностраннымъ правительствамъ секретными донесеніями о томъ, что творилось въ Россіи. Словомъ, они исполняли роль политическихъ шпионовъ (Теперь эта іезуитско-нѣмецкая рать явилась къ намъ переряженою во всевозможные костюмы разныхъ званій и состояній).

Петръ I засталъ іезуитовъ въ Москвѣ; гнѣздо ихъ разрослось въ цѣлую „іезуитскую слободу“. Онъ выгналъ ихъ.

Съ тѣхъ поръ, русское правительство избавлялось всѣми мѣрами отъ папъ и ихъ притязаній.

Возвративъ отъ Польши Бѣлоруссію, Екатерина II застала іезуитовъ прочно въ ней водворившимися. Система Екатерины была локализовать въ предѣлахъ имперіи латинскую церковную администрацію; дать латинской церкви организацію, оборвать нити, связывавшія мѣстную іерархію съ папскимъ престоломъ, и упразднить самостоятельность латинскихъ монашескихъ орденовъ, подчинивъ ихъ власти мѣстнаго епархіальнаго начальства. Екатерина II и папа очень скоро другъ друга поняли и, вслѣдствіе того, жили нѣкоторое время въ ладу. Несмотря на ловкость римской дипломатіи, она не могла заставить ее уступить ни единой пяди, опираясь на тотъ принципъ, что латинская церковная организація составляла предметъ не внѣшней, а внутренней политики. Взаимныя препирательства на почвѣ международнаго права заставили Екатерину вызвать папу на состязаніе передъ всею Европою и принять вызовъ на самыхъ невыгодныхъ для папы условіяхъ. Этимъ путемъ Екатерина приготовила первый шагъ къ отторженію латинства отъ папизма, подчинивъ себѣ іезуитовъ, и вывела ихъ противъ Ватикана, надежнѣйшихъ полковъ гвардіи папы. Сами іезуиты навели Екатерину на мысль подать имъ случай торжественнаго слушанія римской каедры. Но затѣмъ, они начали всѣми мѣрами ходатайствовать о примиреніи съ папою. „Вы обязаны послушаніемъ папѣ въ дѣлѣ догматовъ, говорила Екатерина, а во всемъ остальномъ—вашимъ государямъ“. Іезуиты удалились съ разбитымъ

сердцемъ. Тогда вражда съ папствомъ приняла острый характеръ.

Павель I принялъ іезуитовъ подѣ свое покровительство и испросилъ у папы возстановленіе іезуитскаго ордена въ Россіи. Императоръ Александръ I осыпалъ ихъ милостями и далъ имъ полную возможность развернуться на просторѣ, но затѣмъ, узнавъ ихъ короче, выпроводилъ ихъ, какъ сказано выше, сперва изъ обѣихъ столицъ, а затѣмъ изъ Россіи навсегда.

Съ этого времени начинается рядъ событій, являющихся новою мезтью, которая, по словамъ историка іезуитскаго ордена Жоли, для іезуитовъ такъ легка и которую онъ отрицалъ, ссылаясь на честь и совѣсть іезуитовъ.

Между тѣмъ предшествовавшія событія, начиная съ Ивана Грознаго, о которыхъ говорено выше, свидѣтельствовали, что каждый разъ изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи имѣло послѣдствіемъ мезть со стороны папскаго престола. Событія конца прошедшаго столѣтія доказали нагляднымъ образомъ, что неудовлетвореніе притязаній папы и іезуитовъ сопровождалось въ концѣ царствованія Екатерины II, въ 1794 году, первымъ возстаніемъ въ Польшѣ. За изгнаніемъ іезуитовъ изъ Россіи, въ царствованіе Александра I, послѣдовала польская революція 1830 года. Императоръ Николай сдѣлалъ попытку вступить въ переговоры съ римскимъ папою, и результатомъ ихъ было подписаніе въ 1847 году конкордата. Этимъ конкордатомъ сдѣланы были римскому престолу важныя уступки: ему предоставлено назначать епископовъ, которымъ было дано право суда и управленія церковными дѣлами въ предѣлахъ епархіи; имъ же, между прочимъ, предоставлено воспитаніе юношей, готовившихся къ духовному званію. При этомъ право надзора за дѣятельностью католическихъ епископовъ со стороны русскаго правительства ничѣмъ не было обезпечено. Эти уступки вызвали новыя притязанія. Папа потребовалъ предоставленія ему полной свободы въ сношеніяхъ съ мірянами и чтобы для католиковъ была измѣнена присяга на вѣрность императору, потому что она

будто бы „не можетъ быть ими исполнена“. Несмотря на все это, императоръ Николай разрѣшилъ войти въ новые переговоры съ римскимъ дворомъ и сдѣлать для католической церкви все возможное. По мѣрѣ уступчивости императора Николая, притязанія папы все росли и становились неудобноисполнимыми. Впослѣдствіи оказалось, что въ царствованіе Николая I нѣсколько главнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей въ Россіи оказались воспитанными иезуитами.

Когда покойный Государь Александръ II отказалъ уступить Риму въ вопросѣ о подсудности лицъ, состоящихъ въ смѣшанныхъ бракахъ (когда мужъ католикъ, а жена православная, или наоборотъ) и объ измѣненіи для католиковъ присяги императору, этотъ отказъ произвелъ ожесточенное впечатлѣніе на привыкшаго къ уступкамъ, властолюбиваго папы Пія IX. Несостоявшееся соглашеніе съ папою тотчасъ же отразилось въ политическихъ смутахъ въ Царствѣ Польскомъ, въ которыхъ играло самую видную роль католическое духовенство, принявшее преступное участіе въ польскомъ возстаніи 1863—64 годовъ. Замѣтимъ кстати, что иезуиты принимали всѣ мѣры, чтобы склонить покойнаго Государя на свою сторону, и поэтому до польскаго возстанія стремились воздѣйствовать на податливые высшіе кружки петербургскаго общества. Многіе, конечно, помнятъ, что еще въ 1855 году появилась книга русскаго отца-иезуита Гагарина „La Russie serattelle catholique“, въ которой онъ указывалъ на славянофиловъ, какъ на кружокъ, въ которомъ будто бы выработывалась русская, національная формула революціонной идеи. Что могло побудить Гагарина къ завѣдомо фальшивому доносу? Оказалось, что въ составленіи этой книги Гагаринъ игралъ роль пера въ чужой рукѣ. (Какъ это все похоже на нашего остзейскаго барона, которому мы посвятили предъидущую главу). Это была неудачная попытка римскаго папы напугать русское правительство. Но ни искательства, ни запугиванія не могли подѣйствовать на твердую волю

Императора, и оскорбительныя для Россіи предложенія римскаго престола были отвергнуты.

Польскій мятежь 1863—64 гг. заставилъ римскаго первосвященника выдвинуть противъ Россіи все его іезуитское воинство, которое разжигало всѣми возможными средствами политическія страсти. Орудіемъ для этого былъ журнализмъ иностранный, польскій, отчасти и русскій, гдѣ и нынѣ кишать фанатики всѣхъ оттѣнковъ—эти „трупы“ и „жезлы“ въ рукахъ іезуитскаго ордена. Но крестовый походъ папы не удался. Возстаніе было подавлено. Тогда Ватиканъ прибралъ свои громы и осторожно протянулъ къ намъ два пальца, чтобы ощупать пульсъ русскаго общественнаго мнѣнія, которое начало имѣть значеніе въ политическихъ вопросахъ. Въ 1864 году пожаловалъ въ Петербургъ аббатъ-французъ, чтобы во время великаго поста назидать проповѣдями с.-петербургскую католическую паству. Русское аристократическое общество хлынуло массами слушать увлекательныя проповѣди католическаго священника, произносимыя на изысканномъ французскомъ діалектѣ. Впослѣдствіи оказалось, что онъ былъ посланъ сюда хлопотать объ учрежденіи при католической церкви іезуитской коллегіи и о разрѣшеніи іезуитамъ вновь водвориться въ Россіи или, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ. Папа полагалъ, что, напуганное революціонными ужасами и политическими убійствами, русское правительство будетъ уступчивѣе и сгоряча протянетъ руку примиренія съ папою. Такое ходатайство начали поддерживать вліятельныя лица петербургскаго общества, увѣряя, что дѣло идетъ о разрѣшеніи вопроса религіозной свободы или вѣротерпимости. Но тогда въ первый разъ русская національная печать начала играть вліятельную роль и доказала, что впустить въ Россію орденъ іезуитовъ—это все равно, что пустить въ нее завѣдомо и сознательно шайку шулеровъ, червонныхъ валетовъ, заговорщиковъ и тому подобныхъ художниковъ, дѣятельность которыхъ неосызаема, неуловима. Іезуитъ не столько

совершаетъ самъ, сколько внушаетъ преступленія. Борьба съ іезуитами всегда и вездѣ неравномѣрна, ибо они владѣютъ оружіемъ, которое употребляютъ послѣдователямъ другихъ христіанскихъ вѣроученій воспрещаетъ ихъ христіанская совѣсть. Іезуиту дозволены всѣ нехристіанскія средства на все то, что составляетъ отрицаніе христіанства. Во время возстанія въ Польшѣ, въ 1863—64 гг., католическіе священники не только благословляли мятежныя банды повстанцевъ, напутствуя ихъ молитвою, но и сами становились предводителями скопищъ повстанцевъ, не гнушаясь превращать православные храмы въ революціонные вертепы, благословлять жандармовъ-вѣшателей, совершать самыя звѣрскія убійства, такъ что болѣе пяти сотъ ксендзовъ подверглись потомъ обвиненію за участіе къ возстанію. При участіи этихъ ксендзовъ сочиненъ и польскій гражданскій катихизисъ, это практическое примѣненіе ученія іезуитовъ. Въ основаніе этого катихизиса положенъ уставъ іезуитскаго ордена (*Monita secreta* 1615 года), два списка съ котораго, въ іезуитской рукописи, хранятся въ Прагѣ. Любопытно, что историкъ ордена іезуитовъ, Кретино-Жоли, уподобляетъ этотъ уставъ уставамъ фран-массоновъ и другихъ тайныхъ обществъ. Примѣняясь къ этому уставу и польскому гражданскому катихизису, составленъ былъ и нигилистическій катихизисъ *). Здѣсь кстати вспомнить, что Герценъ, сначала безъ всякаго серьезнаго изученія, составилъ себѣ отрицательное

---

*) До какой степени іезуитизмъ проникъ въ плоть и кровь нашихъ нигилистовъ, — можно, между прочимъ, наглядно видѣть по слѣдующему отрывку изъ брошюры, которая посвящена описанію того, что ожидаетъ народъ послѣ соціальной революціи въ Россіи: «И зажилъ бы мужичекъ прицѣвючи, зажилъ бы жизнью развеселою... не мѣдными грошами, а червонцами золотыми мошна бы его была полна. Скотины всякой, да птицы домашней у него и счету не было бы. За столомъ у него мяса всякія да пироги именные, да вина сладкія отъ зари до зари не снимались бы. И ѣлъ бы, и пилъ бы онъ сколько въ брюхо влѣзетъ, а работалъ бы сколько самъ захотѣлъ. И никто бы и ни въ чемъ неволить его не смѣлъ: «хошь—ѣшь, хошь—на печи лежи... Распречудесное житье!»

понятіе о христіанствѣ, а потомъ уже сталъ изучать исторію христіанства по сочиненію Гфререра, которое начато было въ крайнемъ рационалистическомъ направленіи и кончено по переходѣ автора въ католицизмъ. Здѣсь впервые встрѣтились социализмъ съ іезуитизмомъ; на эту почву, удобренную Лассалями и Шопенгауерами въ Германіи, легъ плотнымъ слоемъ, перенесеннымъ къ намъ оттуда, нигилизмъ въ самой злой, фанатической своей формѣ—формѣ террора.

Приведенное выше съ одной стороны поведеніе католическаго духовенства и самого папы, поощрявшаго польское возстаніе, съ другой стороны проникнутая патриотизмомъ пресса привели русское правительство къ убѣжденію, что папство и католицизмъ стали открытыми врагами Россіи. Дипломатическія сношенія съ папою были прерваны, а по усмиреніи польскаго мятежа, по Высочайшему повелѣнію, въ ноябрѣ 1866 года, конкордатъ 1847 года былъ отмѣненъ, и католическая церковь въ Россіи поставлена была подъ покровительство общихъ законовъ имперіи. Въ такомъ положеніи она находится по настоящее время, хотя и возбужденъ вопросъ о томъ: нужно ли заключеніе новаго конкордата съ папою, и если нужно, то на какихъ условіяхъ былъ бы возможенъ конкордатъ?

Здѣсь прежде всего не нужно забывать, что всѣ попытки очистить латинскую церковь, отсѣкнувъ отъ нее іезуитизмъ, оказались тщетными. „Можно сказать (писалъ лучшій нашъ изслѣдователь ордена іезуитовъ и отношеній его къ Россіи, Ю. Ѳ. Самаринъ), что всѣ жизненные соки, вся душа латинства ушла въ іезуитизмъ и что, съ первой минуты своего появленія на свѣтъ, іезуитство воплотило въ себѣ всю сущность, весь смыслъ латинства и стало на его мѣсто“. Поэтому, заключеніе новаго конкордата съ папою равносильно уступкѣ, большей или меньшей, іезуитизму. Возрожденіе, повидимому, навсегда отиѣтаго іезуитизма Ю. Ѳ. Самаринъ объясняетъ такъ: „Не прибѣгая ни къ

какимъ натяжкамъ, я могъ бы сказать и доказать, что одна лишь не всегда дальновидная реакція правительствъ противъ революціонныхъ началъ, разнесенныхъ Наполеономъ по всему континенту, вызвала изъ мертвыхъ іезуитскій орденъ, что въ то время, подъ вліяніемъ страха, хватались безъ разбора за всё орудія, казавшіяся пригодными для обузданія надеждъ, зарождавшихся въ массахъ, и что этимъ настроеніемъ легко воспользовались іезуиты, выдавъ себя за надежнѣйшихъ тѣлохранителей царствующихъ династій“.

Когда соціалистическое движеніе въ Западной Европѣ настолько созрѣло, что создало особую соціалистическую партію, задавшуюся желаніемъ стать особою политическою и общественною силою, то естественно оно должно было обратить на себя вниманіе другихъ политическихъ и общественныхъ силъ: государства и церкви.

Представитель государственной власти въ Германіи, Бисмаркъ, еще въ началѣ 60-хъ годовъ, началъ заигрывать и кокетничать съ соціалистами, прикармливая дикаго звѣря. Ободряемый и поощряемый вниманіемъ видныхъ политическихъ дѣятелей, социализмъ отважно поднималъ голову и скоро обнаружилъ дикіе инстинкты, не поддававшіеся никакому прирученію и прикармливанію: покушенія на жизнь германскаго императора, произведенныя Геделемъ и Нобилингомъ, отшатнули князя Бисмарка отъ сношеній его съ соціалистами. Вниманію рейхстага предложены были извѣстные законопроекты о соціалистахъ, которые и приведены были въ исполненіе.

Почти такимъ же путемъ шли и отношенія католической церкви къ соціалистическому движенію, о которыхъ мы говорили выше.

Двѣ дѣйствующія политическія силы, іезуитизмъ и социализмъ, наконецъ, были разъединены въ Германіи, и этотъ взрывчатый матеріалъ изъ Германіи вытѣсненъ былъ въ Россію. Между тѣмъ въ Австр. и революціонное гнѣздо получило новыя подкрѣпленія.

Въ Вѣнѣ, Краковѣ, Львовѣ оказался въ польскомъ элементѣ лучшій цементъ, связывающій социалистовъ-демократовъ съ социалистами - католиками. Атака этой арміи демагоговъ, направленная противъ Россіи, имѣетъ іезуитовъ въ центрѣ и социалистовъ на флангахъ.

Празднованіе во Львовѣ 50 лѣтія польскаго возстанія 1830 обнаружило неразрывную связь, существующую между іезуитами революціонною партіею поляковъ, нѣмецкими социалистами демократами и русскими нигилистами. Галиція—центр инсurreкціи имѣющей колонію въ Парижѣ, въ Лондонѣ и въ Женевѣ. Выдающуюся роль на праздникѣ играли множество ксендзовъ, демагоговъ - поляковъ и русскихъ нигилистовъ: князь Крапоткинъ Вѣра Засуличъ, Жуковскій (адъютантъ Бакунина) и др. Между прочимъ, получены были поздравительныя телеграммы отъ редакціи „Чернаго Передѣла“, бывшаго редактора „Впередъ“ Петра Лаврова и даже отъ Льва Гартмана!.. Вся эта нѣмецко-польско-нигилистическая іезуитская братія, проклиная Россію всенародно заявляла, что въ сердцахъ ихъ осталось мѣсто лишь для одного чувства—ненависти, для одной страсти—мести. И все это совершалось на виду австрійскихъ властей, прибывшихъ на праздникъ въ парадной формѣ, въ то время, когда мы открыли широко двери австрійскимъ шпіонамъ, которые кишатъ у насъ нынѣ повсюду. Непримируемая злопамятность клерикаловъ лучше всего выразилась въ томъ, что австро-венгерское католическое духовенство отказалось служить панихиды въ день столѣтней годовщины императора Іосифа II, который своими либеральными учрежденіями способствовалъ также и возрожденію національнаго самосознанія своихъ русскихъ подданныхъ.

Замѣчательно, что всѣ эти демонстраціи совершались въ то время, когда въ Вѣнѣ происходили переговоры между русскимъ посломъ при вѣнскомъ дворѣ г. Убри и папскимъ нунціемъ, кардиналомъ Якобини.

Переговоры съ римскою куріею продолжаются и понынѣ. Папа, разумѣется, настаиваетъ на возстановленіи конкордота, тогда какъ въ сношеніяхъ съ папою у насъ не можетъ быть иной политики, кромѣ той, которой держалась Екатерина II. Въ сущности намъ нужно отъ папы одного — утвержденія избранныхъ правительствомъ католическихъ епископовъ, и только. Папа упрямился. Ему сдѣланы нѣкоторыя уступки. Такъ напр. два гола тому назадъ, какъ это оповѣщено было въ газетахъ, русскимъ іезуитамъ въ Парижѣ не захотѣлось подвергнуться участи французскихъ: оставить Парижъ, и вотъ они обратились къ князю Орлову съ просьбой помочь ихъ горю. Посольскій исходатайствовалъ нашимъ отщепенцамъ русскіе паспорта. Такимъ-то образомъ русскіе іезуиты снова превратились въ русскихъ подданныхъ, состоящихъ подъ особымъ покровительствомъ посольства. Эта уступка въ пользу іезуитовъ дала поводъ римской куріи дѣйствовать смѣлѣе и требовать новыхъ уступокъ, выходящихъ уже изъ границъ возможнаго. Очевидно, что вслѣдствіе этого переговоры съ папскимъ пунціемъ не подвинулись ни на шагъ. Между тѣмъ подземная работа анархистовъ шла, подогрѣтая сатанинской злобою, тѣмъ съ большею отвагою. Революціонное движеніе дошло до кульминаціоннаго пункта и завершилось цареубійствомъ!

Выше мы видѣли, какъ представители католической церкви въ Германіи, замѣтивъ великую силу, нарождающуюся въ социализмѣ, принимали мѣры, чтобы подчинить его себѣ. Мы видѣли, какъ богословъ Дёллингеръ, майнцскій архіепископъ Кетелеръ вошли въ союзъ съ евреемъ Лассалемъ, выражая сочувствіе его изданіямъ и затѣямъ. Мы видѣли, какъ іезуиты въ Германіи склонили князя Бисмарка развязать узелъ социальнихъ затрудненій средствами и подъ руководствомъ правительства, путемъ христіанской благотворительности, регулируемой и направляемой церковными властями, какъ за спиною этой плодотворной мысли и сквозь легкое прозрачное покрывало этой благотворительности обнару-

жилося желаніе вырвать изъ рукъ государства вліяніе на судьбу рабочаго класса, передать его въ руки католической церкви, а затѣмъ, подчинивъ его послѣдней, производить при помощи уже ея вліяніе на самое правительство. Когда возгорѣлась «культурная борьба», то католическое духовенство открыто подало руку нѣмецкимъ социалистамъ и въ борьбѣ противъ правительства искало опоры въ рабочихъ союзахъ. Выработана была программа реформъ въ католически-соціальному духу. Іезуиты, переодѣвшись въ социалистовъ, приобрѣли себѣ сочувствіе класса сельскихъ землевладѣльцевъ, ратуя противъ денежныхъ капиталистовъ и крестьянъ католиковъ, внушая имъ, что дѣятели «культурной борьбы» суть печальники народныхъ бѣдствій, подвергшіеся гоненію высшихъ и имущественныхъ классовъ. Папа Пій IX видѣлъ въ соціальной революціи тотъ «камешекъ», о которомъ онъ не разъ говорилъ и который можетъ повести къ низпроверженію имперіи въ Германіи. И только чрезъ 15 лѣтъ, а именно въ 1878 г., князь Бисмаркъ понялъ возможность соединенія красной интернаціоналки съ черною и возможность папству искать опоры въ нарождающемся социализмѣ.

У насъ роль Деллингеровъ и Кеттелеровъ принялъ на себя проф. Цитовичъ въ качествѣ политическаго наставника, поддерживаемаго денежными субсидіями, близкими отношеніями къ III отдѣленію и вѣдомству иностранныхъ исповѣданій. Онъ пустилъ сначала въ ходъ нѣсколько брошюръ, которыя, подъ видомъ рецензій или критики, весьма поверхностной и блистающей только остроуміемъ, популяризировали всю мерзость подпольной печати, подталкивая газеты уже на голое ихъ воспроизведеніе, и дѣйствовали какъ неразумные воспитатели, которые, чтобы предупредить дѣтей отъ разврата, даютъ имъ его подробнѣйшія описанія. Далѣе онъ получаетъ право издавать оффизіозную газету, которую сдѣлалъ орудіемъ миссіи русскихъ отцовъ іезуитовъ: князи Гагарина въ 1855 г. и Ив. Мартынова въ 1864 г., и заключающуюся въ пропагандѣ терпимости для іезуитскаго ордена въ Россіи. Какъ горячо

и настойчиво распикался г. Цитовичъ въ „Берегѣ“ въ увѣреніяхъ что между іезуитами и социализмомъ нѣтъ и не могло быть ничего общаго. Признавая всяческія средства годными для своей цѣли, г. Цитовичъ вѣлъ дѣло своего изданія такъ, что на каждой страницѣ разсыпалъ цѣлыми пригоршнями льстивыя и лукавыя восхваленія власти. Онъ очень хорошо понималъ, что его іезуитская пропаганда возможна была только при покровительствѣ власти. Не было границъ восторга отъ появленія брошюръ г. Цитовича и «Берега» со стороны русскаго чиновничества, прозелитовъ нѣмецкой партіи. Газета эта, впрочемъ, и распространена была почти исключительно въ нашихъ административныхъ сферахъ.

Къ счастью, г. Цитовичъ былъ скоро понятъ. Ему прекратили выдачу субсидіи, которая достигла за 9 мѣсяцевъ суммы 120.000 руб., и изданіе газеты «Берегъ» приостановлено. Нынѣ г. Цитовичъ состоитъ монахомъ іезуитскаго ордена. Цѣль пропаганды всѣхъ этихъ Гагариныхъ, Мартыновыхъ и Цитовичей, появившихся обыкновенно въ смутное время на Руси, заключалось въ томъ, чтобы подливать масла въ огонь и, подогрѣвая разнузданныя страсти, накалить ихъ до безумія. Разсчитывая на легкомысліе, господствовавшее въ печати, г. Цитовичъ довелъ въ ней страстную полемику о вопросахъ государственной и общественной важности до того, что газеты обзывали другъ друга «паршивыми гадинами», „разбойниками пера и мошенниками печати“ и даже «канальями». Журнализмъ подъ его вліяніемъ обнаружилъ крайній цинизмъ и разсуданность страстей; печаталось все, что только можетъ оскотинивать читателей и оскорблять нравственное чувство; глумленіямъ надъ всѣмъ, что есть святаго въ жизни частной и общественной, не было конца; пороки и преступленія уже не прятались, а выступали открыто, нагло, съ похвальбою.

Іезуиты-публицисты находили у насъ себѣ лучшій пріютъ въ консервативныхъ органахъ прессы. Бывшій отчаянный нигилистъ Александръ Дьяковъ (Незлобинъ тоже), соредакторъ г. Цитовича

въ „Берегъ“, сотрудничалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, «Русскомъ Вѣстникѣ» и „Собесѣдникѣ“. Познакомтесь съ нѣкоторыми сотрудниками въ современныхъ консервативныхъ изданіяхъ, — и вы найдете въ нихъ много іезуитовъ: иные переряженные чужеземцы, носившіе за границую іезуитскія рясы, другіе съ аттестатами іезуитскихъ школъ, наконецъ, цѣлая масса писателей ихъ прозелитовъ изъ русскихъ.

Для потомства останется незабвенною подчеркнутая краснымъ штрихомъ публично высказанная исповѣдь гг. Незлобина съ Цитовичемъ: „Господствующее теперь реакціонное направленіе, сильное и систематически послѣдовательное, неостанавливающееся ни передъ чѣмъ, на все готовое, разчитывая на свою силу, не ошибается, особенно съ тѣхъ поръ, какъ оппозиціонныя попытки скомпрометировали нашу крайнюю сторону. Еслибъ единичному человѣческому усилію вмѣнялась въ обязанность тенденція той или другой опредѣленной партіи, то несомнѣнно, что народъ сталъ бы на сторону силы, хотя и съ противоположными цѣлями“. Крайняя революціонная сила скомпрометирована, — становитесь на сторону другой, реакціонной силы, но съ противоположными цѣлями. О пролазы, о интриганы! Невольно вспомнишь увѣренія генерала іезуитскаго ордена Бржозовскаго, написанныя имъ Государю Александру I: „У васъ нѣтъ въ Россіи подданныхъ, болѣе іезуитовъ послушныхъ, вѣрныхъ и почти-тельныхъ“. Вспоминается и то, что графъ Местръ испрашивалъ для іезуитовъ права, „исправлять полицейскую службу или, какъ онъ самъ выражался, права лаять на людей, если ужъ нельзя ихъ грызть“, и далѣе: „Вы боитесь революціи, и не безъ основанія: она васъ непремѣнно затопитъ, если вы не противопоставите ей надежнаго оплота. Этотъ оплотъ — мы“, иначе „мы прибѣгнемъ къ мести, которая для насъ такъ легка“.

Нынѣ іезуитскіе сладкорѣчивые подвохи идутъ съ другаго конца. Вотъ что мы прочитали на-дняхъ въ одной консервативной газетѣ:

„Газета „Germania“ посвящаетъ замѣчательную статью новой брошюрѣ, которую она приписываетъ внушенію діаконарскаго епископа Штроссмайера, если только она въ дѣйствительности не сочинена имъ самимъ; брошюра посвящена оберъ-прокурору святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцеву и говоритъ о примиреніи восточной и римской церкви, такъ какъ „однѣ эти двѣ церкви имѣютъ истинное священство, установленное Иисусомъ Христомъ, и однѣ могутъ составить вмѣстѣ истинную католическую христіанскую церковь“.

„Ультрамонтанская газета надѣется, что русское правительство, имѣющее лучшаго совѣтника въ лицѣ г. Побѣдоносцева, примкнетъ къ примирительному движенію. „Россія, — говоритъ газета „Germania“, — можетъ быть спасена только соединеніемъ обѣихъ церквей, которое излечило бы ее отъ нигилизма и разрѣшило бы польскій вопросъ“.

Перомъ автора этихъ строкъ, очевидно, руководилъ іезуитъ. Но іезуиты обыкновенно дѣйствуютъ не съ одного конца, а съ двухъ разомъ. Нѣмецкіе и русскіе социалисты, руководимые іезуитами, еще недавно праздновали въ Лондонѣ годовщину убіенія императора Александра II.

Какія конечныя цѣли этихъ анархистовъ?—Захватить въ свои руки власть въ Россіи, такъ сказать, не мытьемъ, такъ катаньемъ. Если крѣпкій оплотъ Самодержавія въ Россіи не поддастся внушеніямъ и соблазну іезуитовъ, то, не разбирая средствъ, идти къ цѣли, пропагандируя конституціонныя начала, гдѣ парламентаризмъ обставленъ будетъ такъ, что интеллигенція нѣмецко-польская будетъ господствовать надъ русскою.

Кто же теперь будетъ отрицать глубокую правду словъ генерала Скобелева, что у насъ „нѣмецъ хозяйничаетъ“ и что мы отъ

него не избавимся иначе, какъ силою религіознаго и національнаго самосознанія, но „съ мечемъ въ рукахъ“?

Historia vitae magistra. (Исторія—учитель жизни).

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 02504 7492

